

Лина Кирилловых

A large, white, blimp-like aircraft with a cockpit and windows is flying over a vast, orange desert landscape. The desert features rolling sand dunes with visible ripples in the sand. The sky is a pale, hazy orange, suggesting a sunset or sunrise. The aircraft is positioned in the upper half of the frame, moving from left to right.

Идущие

Книга II

Лина Кирилловых
Идущие. Книга II

«Издательские решения»

Кирилловых Л.

Идущие. Книга II / Л. Кирилловых — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931384-3

Из задверья в задверье так много одинаковых лиц. А лицо врага почему-то совсем идентично собственному, никогда не любимому отражению в зеркале. Плохо быть человеком-свойством — даже не знаешь, как на это всё реагировать. Но, возможно, научишься.

ISBN 978-5-44-931384-3

© Кирилловых Л.
© Издательские решения

Содержание

Часть 3. Салочки	6
I. Понедельник	7
II. Вторник	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Идущие Книга II

Лина Кирилловых

© Лина Кирилловых, 2018

ISBN 978-5-4493-1384-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 3. Салочки

I. Понедельник

Тринадцатилетний Вилле, внук военного наместника, вместо полагающихся ему занятий по стратегии и баллистике предпочел нынче утром удрать через окно своей комнаты, когда господин Жан-Жак, его наставник и воспитатель, деликатно, но вместе с тем непреклонно и даже сурово постучал в дверь. Спустившись по бронзовой водосточной трубе, украшенной всякими химерическими головами и завитушками, из-за чего труба была словно предназначена для того, чтобы по ней карабкаться и спускаться, Вилле на первое время решил переждать в пышных кустах чайных роз. Он высматривал, когда от заднего двора отъедет фургон, в котором на кухню каждое утро доставляли фрукты и овощи, чтобы запрыгнуть в него и затаиться под промасленным холщовым пологом среди пустых ящиков и луковой шелухи. Вилле поступал так частенько, когда дела разного рода важности и неотложности требовали его присутствия в городе, – например, приезд цирка или выступление труппы бродячих артистов – а возница, толстый добрый Анри, то ли не замечал своего пассажира, то ли молчаливо, с улыбкой в седые усы, одобрял. По возвращению домой Вилле непременно ожидало наказание – розги, когда он был совсем ребёнком, и работа на конюшне среди слуг, когда он подросток, но он считал это вполне разумной платой за не полагающиеся по статусу развлечения. Правда, за сегодняшнее его вполне могли сослать на конюшни навечно: городской карнавал, обещавший продлиться до полуночи, вынуждал Вилле нарушить одно из самых главных неписаных правил – не покидать резиденцию после девяти вечерних ударов часов. Но Вилле предвкушал карнавал почти месяц и уже порядком извёлся. До правил ли здесь, когда впереди – грандиозный, бывающий лишь раз в пять лет праздник...

Розы качались перед лицом и одуряюще пахли – кремовые, как украшение на торте, цветы. Откуда-то сверху на плечо Вилле бухнулся крупный бронзовый жук и, оставшись лежать на спине, принялся беспомощно перебирать лапками, пока великанская человеческая рука аккуратно не перевернула его. Жук, благодарно прожужжав, улетел. Справа, из-за густой череды буков, окаймлявших прогулочную аллею, поднималось солнце и уже чувствительно пригревало. Вилле поразмыслил и решил скинуть клетчатый жакет. Невысоко в небе проплыл позолоченный лучами белый дирижабль жандармерии, тоже спешащий на праздник – наблюдать за порядком. Весело переговаривающиеся служанки в центральном крыле мыли стёкла в распахнутых рамах. «Безобразия», – чётко сказал где-то над головой и сбоку голос наставника. Вилле, хоть и невидимый в этих розах, пригнулся.

По тёмным камням аллеи зацокали копыта, подкованные железом, но поступь, слишком лёгкая для везущего тяжёлый деревянный фургон ломового коня, издали подсказала Вилле, что это один из гвардейцев стражи. Он даже не стал высовываться из своих кустов. И действительно – потянуло сладким табаком, когда гвардеец, приблизившись к убежищу Вилле, неспешно проехал мимо. Сквозь ветви мелькнули серебро и синь – цвета гвардейской формы, взметнулся чёрный лошадиный хвост, отгоняющий мух. На боку у гвардейца висела сабля, при каждом шаге лошади ударяющая ей по крупу. Гвардейцы внутренней стражи не носили огнестрельного оружия. По оттиснутому на богато украшенных ножнах родовому гербу Вилле понял, что это Марк. Но он не стал окликать Марка, хотя в другое время непременно бы с ним поздоровался и поболтал. Марк был хорошим другом, но даже ему необязательно было знать о планах Вилле на сегодня.

А планы были – грандиозные. Сперва в фургон, где в душистой тесноте между ящиков, в тёплом тяжёлом воздухе, причудливо смешивающим ароматы влажноватой земли, корней, зелени, цитрусов, яблок и груш, он будет опираться спиной о деревянные стены и, всматриваясь в щели между досками, ждать, пока не замелькают кипарисные кущи, за которыми дорога, ведущая от резиденции, – пыльная, белая и прокалённая – сворачивает к горящемуся

над речкой мосту. Затем, перед самым поворотом, Вилле спрыгнет, потому что у моста тоже гвардейцы. Он пройдет через поле, заросшее дикими травами, достающими почти до пояса, и спустится к берегу там, где вдоль реки стоят серебристые лавры, бросающие на берег и воду прохладную тень. Здесь Вилле перейдет реку по рассеянной на мелководье цепочке камней брода, минуя плещущихся крестьянских детей, кто-нибудь из которых не преминет окатить одинокого путника смехом и брызгами. Может, Вилле тоже чуть-чуть поплавает с ними, но это только если Анри и его фургон не запоздают: карнавал начинается в одиннадцать, а до главной городской площади ещё идти и идти. Через маленькую деревеньку, вырастающую прямо от противоположного берега, деревеньку с её плоскими крышами, крытыми шелестящей соломой, и дремлющими в тени собаками в рыжевато-подпалинах; через извивающиеся, как гремучие змеи, мощёные сбитым булыжником многочисленные улочки ремесленных и рабочих предместий; через несколько богатых кварталов, где в небо на семь этажей высятся мраморные дворцы с собственными садами и террасами искусственных водопадов. Минувя сначала мирно объедающих полусухую траву лошадей, пасущихся на деревенском выгоне в тени каменных жестколистых дубов, потом – шарахаясь на дорогах от них же, запряжённых в возки и телеги, потом – вдыхая фантастический, словно дыхание хищного зверя, чад от ползущих по улицам автомобилей, которых в центре города так много, что именно они, а не люди, кажутся его обитателями, Вилле вольётся в праздничную толпу. Яркую и разнородную – кого только ни бывает на празднике! Здесь и знатные разряженные дамы, держащие под руку мужчин в пиджаках и моноклях – выходят из автомобилей, грациозно ступая по мраморным плитам площади смело обнажёнными до колен ногами в остроносых узких туфельках; здесь и дородные красные лица лавочники вместе со всем своим семейством – кто прогуливается просто так, кто, заранее получив разрешение бургомистра и уплатив необходимые взносы, бойко торгует с тележек-лотков пивом, выпечкой, сладостями; здесь и бегающие и смеющиеся дети всех возрастов и сословий – свободные, как ветер, дети бедняков и такие, как Вилле, кто без спроса удрал из дома. Здесь и гвардейцы, и жандармерия. Здесь тайные шпионы короля. Здесь и доносчики, и осведомители, и карманные воры, срезающие кошельки и снимающие с рук браслеты и часы, и торговцы наркотической смесью, и падшие окрашенные женщины. Здесь, пугают родители на ночь своих непослушных отпрысков, и дикари с Юга.

О, эти южане, кровожадные южане, под покровом тьмы и в неразберихе народных гуляний проникающие за Стену и ворующие детей, чтобы сделать их рабами на своих зловонных рудниках! Устраивающие поджоги и промышленные разбои. Смешивающиеся с толпой на праздниках и прячущие лица под карнавальными масками. Темнокожие и хитрые, вооруженные кривыми ножами, не знающие ни могущества пара, ни железных дорог, зато так прекрасно умеющие убивать. Дедушка всегда говорил, что истребить дикарей не позволяет лишь милосердие к ближнему, свойственное цивилизованному человеку. Но Юг – это гиблое место. Цивилизованному человеку туда лучше не соваться. Туда, за Стену, где в пустынных краях разбросаны по бесплодной земле уродливые дикарские поселения. Вилле их никогда не видел, но прекрасно знал, что они отвратительны. Город был последним оплотом между цивилизацией и хаосом, и дед Вилле был здесь наместником не просто так. Он представлял в этом удалённом уголке корону. С бургомистром, здешним городским главой, они дружили.

Наконец заскрипели колеса, нутно и зычно закашлял Анри – хватил, видно, лишка из своей заветной фляги. А может, так давал знак – чтобы умница Анри не догадался-то, что сегодня Вилле решит сбежать в город... Старина Жан-Жак тоже должен был понять это. Только бы не взбудоражил стражу, которая в подобном случае перевернёт весь фургон вверх дном! Трудолюбиво всхрипнул пегий тяжеловоз, катя за собой фургон, замелькали солнечные зайчики, отражаясь от начищенных блях на его постромках. Вилле пригнулся и приготовился. Он знал, что у него будет всего лишь пара-тройка секунд, когда задняя часть фургона поравняется с розовыми кустами, растущими здесь с двух сторон аллеи, чтобы, подтянувшись на руках,

запрыгнуть внутрь, оставаясь при этом частично скрытым густотой цветов и листьев. Но если вдруг кто едет сзади – всё пропало, его заметят. Вилле решился и выглянул, тут же убрав голову обратно – уже было не рассмотреть, есть ли кто-нибудь за фургоном, потому что он перекрыл собой вид на остающуюся позади него аллею и двор. Разом вспотели ладони – Вилле потёр их друг о друга. Тяжеловоз, мерно и гулко ступая, проскрёб округлыми боками свисающие над аллеей ветви. Ломовые кони все упитанные, особенно у Анри – этого пегого, кажется, зовут Рино. От него пахло овсяной болтушкой и потом, но не неприятно. Вилле увидел держащего поводья Анри, вернее, только его загорелые пухлые руки, потом обзор перекрыла дощатая стенка фургона, покрашенная снаружи в зелёный цвет, и Вилле понял: сейчас. Он бросился вперёд, выдираясь из зарослей, и ухватился одной рукой за пыльную стенку как раз в том месте, где она заканчивалась. Полог был поднят, но внутри фургона таилась темнота. Второй рукой Вилле опёрся об усыпанный шелухой пол, подтянулся и, помогая ногами, втащил себя в благословленный мрак, переkreщенный кое-где пробивающимися через щели в досках тёплыми лучами солнца. Позади фургона никто не ехал. Всё получилось отлично. Но ещё были ворота – вдруг всё же досмотр... Вилле отполз поглубже, пачкая штаны о земляное крошево, и сжался в клубок за нагромождением порожних ящиков. Подумал было залезть в один из них, как делал ещё года три назад, но тут же отбросил эту идею: уже не поместится, сколько раз пробовал. Анри опять закашлялся за своей перегородкой.

«Эй, – мысленно обратился к нему Вилле. – Не выдавай!»

Колёса мерили собой последний отрезок аллеи, потому что потом она превращалась в дорогу, когда прозвучало громкое и непреклонное «Стойте».

Резиденция была не так уж велика: трехэтажный особняк из тёмно-красного камня, – привезённого с севера лично по приказу наместника ещё до рождения Вилле лучшего, до гладкости отшлифованного гранита, что, казалось, впитал в себя свежесть снежных бурь и ледяных ночей, потому что даже в непереносимый зной лета он сохранял в доме прохладу, – выстроенный на месте предшествовавшего ему и сильно пострадавшего в пожаре деревянного, выглядел своей острой черепичной верхушкой из окружавших его старых буков. Аллея вела от ступеней парадного входа к выкованным из чугуна воротам, но не прямая, а чуть изогнутая, с отходящими в сад дорожками, чтобы было приятно гулять. Чугунной была и высокая изгородь – тоже северный мотив. Местные богачи, те, что предпочитали селиться за городом, окружали свои дома изгородью живой. В саду в изобилии цвели чайные розы и бугенвиллии, был здесь и фонтан – извергающий воду из рога, который он поднёс ко рту, будто бы трубя, какой-то мифологический персонаж, были и оплетённые виноградом беседки, обычно не востребованные никем, кроме вездесущих кошек, был телескоп и вымощенная, как аллея, камнем площадка для барбекю. Везде, где не было камня, росла шелковистая короткая травка, которую не требовалось подстригать, лишь поливать, и воды на неё уходило прямо-таки астрономическое количество, благо, что в доме был водопровод. На заднем дворе особняка, там, где чёрный ход кухни, располагались прачечная, конюшни, жилые пристройки прислуги, автомастерская и гараж. В гараже стояло два автомобиля, и на обоих ездил дед – с шофёром, конечно же, самому ему водить не полагалось. Домик садовника прятался в дальнем углу резиденции, а ближе всего к воротам стоял сторожевой пост гвардейцев, такой же добротный, гранитный, как особняк, и над ним тоже простирали свои ветви буки. Садовник выращивал на грядках у домика морковь, салат и лук. Отдыхающие гвардейцы пили пиво и играли в карты. Двое гвардейцев, пешие, сменяясь через определённые промежутки времени, стояли у ворот с саблями наголо. Пот блестел на их гладковыбритых лицах, и в мундирах им, наверное, было очень жарко, но выучка и самодисциплина у них были железные. Вилле всякий раз смотрел на них с восхищением. Он знал, что, когда повзрослеет, тоже наденет синюю с серебром форму.

Да, он всегда ими восхищался, но сейчас испытывал страх, и ладони снова стали влажными. Если его обнаружат, то ему будет ещё и очень стыдно, не говоря уже о горечи из-за

того, что он не сможет побывать на празднике. Широкая тень от бука легла на фургон, который замер у самых ворот. Снаружи зазвенела подковами лошадь – рядом с пешими стражниками был один конный.

– Что такое, господа? – спросил Анри. Его глубокий голос с легкой хрипотцой выражал непонимание.

– Молодой господин, внук наместника, сбежал с занятий. Вы его не видели?

Марк! Голос всадника вселил в Вилле надежду. Он вряд ли будет досматривать.

– Нет, – всё так же непонимающе ответил Анри.

Марк промолчал – строго всматривался в глаза вознице, подмигивал?

– С вашего позволения я загляну в фургон.

– Пожалуйста...

Марк объехал фургон, и ещё до того, как он сам появился, Вилле опять почувствовал аромат трубочного табака. Он подумал, что это будет нечестно, если его ссадит друг. Пожалуй, повод, чтобы крепко обидеться. Придержав свою каурюю лошадь, Марк вытянул шею, чтобы заглянуть внутрь фургона, потом спешился и тоже залез. Низко согнувшись, – Марк был высоким – гвардеец прошёл между ящиками. Вилле обречённо вздохнул и выпрямился.

Марк обошёл ящики и увидел его. Покачав головой, гвардеец присел и некоторое время смотрел Вилле в лицо, а потом протянул руку и легонько щёлкнул по носу.

– Никого! – громко произнёс он. – Простите, господин Анри.

– Всё в порядке, – мирно донеслось снаружи. – Не извиняйтесь. Я понимаю – служба.

Вилле улыбнулся. В полумраке серые глаза Марка казались совсем чёрными, но они наверняка сейчас смеялись. Старший друг поправил Вилле воротник рубашки и скорчил гримасу – хулиган, мол, ты, братец. Вилле пожал плечами: какой есть. Марк прощально похлопал его по руке и стал выбираться наружу – задел ногой какой-то ящик, забавно выругался, помянув картошкину мать, наконец спрыгнул и, вставив ногу в стремя, забрался на лошадь. Веселое безусое лицо его изобразило последнюю гримасу – добродушную зависть – и исчезло. Пешие гвардейцы с лязгом открыли ворота, и фургон тронулся.

Узорчатые полукруглые створки скрыли за собой тёмную зелень и уходящую к дому аллею. Анри прицокнул и тряхнул поводьями, заставляя Рино перейти на рысь. Фургон затрясся и задрожал на кочках. Подняв дорожную пыль, – белая, словно шлейф свадебной вуали, она, клубясь, потянулась следом – колёса завели свою монотонную песню. Вторя ей, по обочинам трещали кузнечики. Голубое, чисто вымытое небо без единого облачка обещало начало сухого и жаркого лета. Сегодня же первый день лета, сказал себе Вилле. Интересно, дедушка исполнит свое обещание и научит его этим летом стрелять, или же, как обычно поглощённый работой, забудет... Вилле на него не сердился – у военного наместника всегда было много дел, связанных с охраной порядка. Местная жандармерия неважно справлялась, поэтому король однажды прислал сюда деда и подотчётный ему корпус гвардейцев. Они смогли усмирить дикарей, но не до конца. Вилле вспомнил прошлогодний пожар на ремесленной фабрике, когда пострадало много людей. Пожар возник из-за поджога. Но, не будь здесь наместника, город бы давно сгорел целиком. Он понимал это прекрасно, и, конечно, это понимал король, потому что наградил дедушку орденом Тройной звезды. В былые времена такой давали только генералам, отличившимся на полях сражений.

– Тпрру, Рино, не так шибко, – услышал Вилле голос возницы. – Мы ведь не одни ящики с тобой везём, мальчик мой...

Конь послушно фыркнул и чуть замедлил рысь.

– Как хорошо, когда есть добрый друг. Верно, Рино?

Вопрос был задан не ему, но и Вилле был полностью согласен с Анри. Он, не таясь больше, постукал в перегородку костяшками сжатых пальцев.

– Да, господин Вилле? – откликнулся возница. – Не растрясло вас? А то приторможу, идите сюда, на облучок...

– Анри, спасибо!

– Это не мне, господин, а Марку. Вы ведь на праздник? Так будьте осторожны: там много гвардейцев, которые могут узнать вас и препроводить обратно домой.

– Не волнуйся, Анри, я куплю себе маску и спрячу лицо. К тому же, в толпе они меня не поймают. Я слышал, будут выступать факиры и канатоходцы. И фокусник, который распиливает пополам свою помощницу! Анри, а ты пойдёшь?

Возница хохотнул.

– С Марийкой. Мари, моя младшая, помните её, господин? Она хотела посмотреть на тигра.

– Помню. Будет ей тигр, – Вилле рассмеялся. – И тигр, и лев, и слоны. Марийке понравится. Может, я сумею разыскать вас с ней и куплю нам всем сладкой ваты.

Он сунул руку в карман и позвенел монетками. Тут и на вату хватит, и на мороженое, и на большой кувшин ледяного мятного чая... Вилле только хотел спросить у Анри, чем лучше порадовать его маленькую смешливую дочку, как Анри заговорил снова, и голос его звучал гораздо озабоченней, чем когда он говорил про гвардейцев:

– Фабрику в прошлом году подожгли, так там, на стене одного обгоревшего корпуса, жандармы нашли намалёванное краской послание. Мол, а следующим сожжём ваш городской карнавал. Дикари эти южные... Не нужно вам, господин Вилле, оставаться на празднике до полуночи. Днём-то они не посмеют, а вот в темноте... Мы с Мари часов в шесть уйдём, и вас я очень попрошу не задерживаться.

Вилле нахмурил брови в темноте гроыхающего фургона. Но ведь вечером будет всё самое интересное... Он не хотел обидеть Анри, поэтому произнёс:

– Да, Анри, я понял.

Фургон покатил дальше. Он миновал рощицу лимонных деревьев, за которыми в жёстких колючках скрывались камни фундамента какой-то старинной усадьбы, давно ставшие домом для ящериц, и скоро уже должны были показаться стройные кипарисы, а, значит, скоро надо было выходить. Анри тоже это знал и ещё чуть-чуть замедлил ход – чтобы Вилле было удобнее прыгать.

– Я уверен, что господин наместник, ваш дед, рано или поздно избавится от этой южной заразы, – сказал Анри, чтобы подбодрить. – Он вышвырнет их так глубоко в пустыню, что они все попередохнут от жары и жажды, прежде чем найдут обратный путь.

Вилле кивнул, потом, спохватившись, что Анри его не видит, ответил.

– Конечно, так и будет. Я скоро вырасту и помогу ему в этом. Я тоже стану гвардейцем. Жаль, что дедушка уехал по делам в метрополию. Будь он на празднике, никому бы не пришлось волноваться, что дикари могут напасть, да и мне бы не пришлось сбегать тайком – дед бы взял меня с собой...

– Не грустите, – сказал ему Анри. – Он не оставил бы вас, если бы не случилось что-то важное.

– Да, его вызвал король... Только зачем, дедушка не сказал. Вот поэтому ещё мне очень хочется поскорей вырасти: чтобы он доверял мне, как равному, и делился, если его что-то гложет. И потом, тогда меня никто уже не будет насильно держать за столом с учебниками в такой прекрасный день.

– Разумные мысли, – одобрил возница. – Однако я думаю, что он вам и так доверяет. Не хочет лишь, чтобы вы из-за него переживали. Ваш дед – замечательный человек. Тпру... Кипарисы, господин Вилле.

Вилле завозился, отряхиваясь.

– Спасибо, что подвёз, Анри. Надеюсь, мы увидимся на карнавале.

– Будьте осторожны, ладно?

– Хорошо. И ты тоже. Передавай привет Марийке...

Вилле соскочил на нагретую землю и ещё раз отряхнулся от приставшей к штанам шелухи. Поправил воротник рубашки, как делал Марк, и потрусил через поле. На бегу оглянулся, помахал Анри рукой – тот, уже трогая с места, ответил. На Анри была его любимая соломенная шляпа с ярким пером, а Рино он так и вовсе принарядил к празднику – заплёл в хвост и гриву синие ленты. Человек, его фургон и конь стали удаляться по делающей петлю дороге, становясь всё меньше и игрушечней.

Серебристо-палевые травы мирно дремали под солнцем. Ветер не ерошил, как бывало иногда, их блестящие стебли, отчего по полю пробегали волны ряби, делая его похожим на далёкое море. Вилле видел море несколько раз – северное и равнодушное, оно плескалось у набережных метрополии, закованное в чёрный гранит и усыпанное сверху снежной крошкой. На Юге, за пустыней, тоже было море, обозначенное на огромной карте в кабинете Жан-Жака синей бесконечностью. У южного моря Вилле не был, но представлял его тёплым, даже горячим. Плавать в таком, наверное, одно удовольствие. Но это вряд ли возможно сделать, пока за Стеной живут дикари – и, снова вспомнив о них, Вилле вернулся мыслями к словам Анри об угрозе, начерченной поджигателями на обожжённых огнем кирпичках фабрики. Какие всё-таки мерзавцы! Но ведь на городской площади будут гвардейцы и жандармерия... а ещё и женщины, и дети, старики... Плохо. Вилле помотал головой. Если что произойдёт, начнется паника, и от служителей закона будет мало прока – толпа просто их затопчет, раскидает. Пропадёт карнавал. Насколько гнилым душой надо быть, чтобы портить такой светлый праздник? Вилле, чувствуя, как в нём вскипает злость, искал глазами какой-нибудь прут, чтобы наподдать им по стебелькам, но тут же словно наяву увидел перед собой лицо деда и услышал, как он говорит: «Вымещать злобу на невинных – низость». Услышал и устыдился, вздохнул. Да, всё верно. Просто ему надо внять предупреждению Анри и вести себя осмотрительно. Возможно и такое, что к вечеру он устанет и сам захочет вернуться домой.

На открытом пространстве припекало так, будто уже стоял полдень. Вилле провёл рукой по волосам. Хорошо, что они у него светлые, серые, словно эти травы – светлые волосы, как и одежда светлых тонов, меньше впитывают солнце. Он знал это от Жан-Жака и был по-дружески благодарен природе за то, что она наградила его, северянина, такой полезной в жарких краях внешностью. Ну, кроме одного – кое-что в себе Вилле не нравилось. Он скорчил рожу небу и припустил быстрей. Поле уже начинало идти под уклон, полого спускаясь холмистым склоном к речному берегу, замаячили верхушки лавров. Какая-то юркая птица метнулась из-под ног. Здесь много кто жил, на этом поле, оставаясь невидимым под защитой стеблей: птицы, разноцветные ящерицы, суслики и земляные белки. В иное время Вилле любил наблюдать за обитателем какой-нибудь норки, деловито таскающим семена и орехи, но сейчас спешил. Он только помнил, где надо сделать крюк и обогнуть большое поселение сусликов, чтобы не разрушить ненароком своей торопящейся тяжёлой ногой одну из их подземных нор. Вилле повернул налево, потом снова выправил свой маршрут и выбрался на тропинку, которая шла вокруг поля. От неё отходила ещё одна, стремящаяся вниз к реке.

Лавры цеплялись корнями за каменистую землю, сквозь которую то тут, то там прорастала изумрудной яркости трава. Никого из обычно купающихся здесь ребятишек у брода не оказалось – должно быть, и они побежали на праздник. Перепрыгнув пару камней, Вилле замер и некоторое время рассматривал в коричневатой, мерно текущей зеркальной воде своё отражение. Так казалось, что глаза не настолько и жёлтые, чтобы их отчаянно не любить, мысленно сравнивая всякий раз с ненавистой кукурузной кашей. «Солнышко вокруг зрачков рассыпали, – добродушно говорил в ответ на все стенания Марк. – Что же тут плохого?» Марк предлагал ещё для сравнения мед и лимоны, но первое звучало слащаво, а второе – кисло,

с солнцем же сравнивали обычно что-то девчачье, поэтому Вилле ворчал и не соглашался. Однажды он где-то вычитал ещё, что желтоглазые приносят болезнь – какое-то дикое суеверие, по правде сказать, но прозвучало оно неприятно. Хоть ни на севере, ни здесь никто ни разу ему ничего подобного и не сказал, что-то внутри бессознательно часто ждало обвинения – особенно, когда кто-нибудь в доме болел. Вилле ругал себя за это – всё-таки он жил в просвещённое время, когда любому ребёнку ясно, что болезни разносят микробы, а не брошенный поверх плеча взгляд. Но эта совиная желтизна... почему глаза у него не просто ореховые, как у бабушки? По воде разошлись круги – плеснула рыба. Вилле вздрогнул. Надо идти, потом как-нибудь искупается. Он пересчитал, где широкими шагами, где прыжками, камни брода и наконец ступил на противоположный берег.

Между лимонными деревьями на натянутых верёвках сушилось бельё – немудреные крестьянские рубахи, платья, передники и короткие, по колено, мужские и мальчишечьи штаны. Сонная собака лениво гавкнула на Вилле из тени. Ему захотелось погладить её за ушами, и собака позволила, мигом превратившись из прохлаждающегося, но всё-таки какого-никакого сторожа в добрейшее влюбленное существо: вывалила розовый язык и восторженно заскулила, переворачиваясь перед Вилле кверху брюхом. Вилле спросил её, не принести ли воды, потому что обнаружил рядом с собакой полупустую миску, и, не дожидаясь ответных повизгиваний, сбегал и зачерпнул: хоть река и была рядом, ему тоже было бы лень идти к воде через солнцепёк улицы, а собаке ещё и было нельзя – она следила, чтобы какой-нибудь вор не свистнул одежду. Правда, почесал он ей уши... Три толстых серых кота, похожие друг на друга, как три песчинки, наблюдали за Вилле с крыши сарая. На подоконниках низеньких домов цвели розмарин и шалфей. Дома тоже спали. Синие двери, белые стены, дорожки, выложенные битой мозаикой, розы, неизменные кустики олеандров... Людей не было видно – потянулись в город. Что ж, повод и самому не задерживаться. Вилле припустил по неширокой дороге, вздымая пыль своими башмаками. Кипарисы, палисадники и пастбища совсем скоро остались позади. Ряды каменных дубов начали густеть, смыкаться над дорогой, переплетаясь и образуя ажурную арку – здесь дорога шла через лес.

Этот лес, таинственный и сухой, со спрятанным в его глубине журчанием ручьев, которые текли по каменистому ложу, всегда наводил мысль о прячущихся в нём разбойниках. Весь золотисто-тёмный, с плотным ковром из многолетних опавших листьев, он был тихим, но не молчаливым, казался пустым, но был обитаемым. В лесу жили косули. И кто-то мог, натягивая тетиву, поджидать одну из них, пугливо ступающую по мягкой земле, потому что на развалинах крепости давно сгинувшего феодала теперь был разбойничий штаб, и тем, кто его населял, очень хотелось есть. Невидимый, прячущийся в кроне каменного дуба разбойник мог пустить стрелу и в одинокого странника – чтобы пожить в содержимом кошелька, и надо было бежать быстрее, петляя, чтобы разбойник не смог прицелиться. Лесные разбойники все были родом из детских книжек, которые Вилле когда-то читал, а книжки эти были пыльные, пожелтевшие, с каллиграфическим, от руки изображённым текстом и такими же чернильными картинками, и принадлежали деду, возможно, даже были с ним одного возраста, поэтому по старости, старинности своей разбойники умели пользоваться только луками. У них не было ни револьверов, ни ружей, и Вилле всегда выходил из леса невредимым. Он бежал быстрее, чем летит стрела, и был очень горд собой. Жаль, что никто больше этого не видел, потому что бегал, гулял, играл и придумывал он с раннего детства один. За всем множеством старших приятелей и деревенских знакомцев друга-ровесника у Вилле никогда не водилось. Он ощущал очень смутно, – как что-то неоформившееся – что важная часть жизни проходит мимо него. Но до конца не понимал, как это чувство назвать, поэтому и не считал себя в чём-то обделённым.

Лес оканчивался на холме, под которым лежали городские предместья. С вершины, где деревья редели, Вилле видел, как белая дорожная ленточка спускается к каменным домам.

Они, квадраты с красными черепичными крышами, острыми, как крыша родного особняка, длились квартал за кварталом, плотнели, сливаясь в неразличимую массу, и уходили к тёмным закруглениям каналов. Каналы были подернуты знойной дымкой, окутывающей и центр города, где, еле-еле угадываясь в тёплом желтоватом мареве, торчали ратушная башня, шпили собора, белый палец обсерватории и самые высокие из богатых дворцов, среди которых и дворец бургомистра. В менее жаркий день город был виден лучше – будто на ладони. Даже удавалось рассмотреть блестящие букашки автомобилей. Над городом неподвижно, как нарисованные, висели дежурные дирижабли. Громадные винты не вращались – иначе и отсюда был бы слышен их гул. Три, пять... восемь... двенадцать. Озаботилась жандармерия. Оставалось только надеяться, что такой демонстрации хватит, чтобы даже самый злобный южный дикарь поджал сегодня хвост и не высовывался из-за Стены. Дирижабли вооружены турелями.

Вилле стал спускаться к предместьям. Он миновал старую полуразрушенную водокачку, отмечавшую с этой стороны города его северо-восточную границу, и склонившееся над ней высохшее, без листвы, дерево. В маленьком пыльном дворе первого дома возились тощие курицы, потом дома пошли без дворов, хаотично прирастая этажами. Под ногами начался булыжник. Загрохотали колёса телег и подкованные копыта. В воздухе запахло душно-кислым – в двух кварталах отсюда располагались фабрики. Дорога, ставшая улицей, распалась на множество ответвлений, каждое из которых узко и затейливо запетляло под угрожающе нависшими пристройками. На некоторых окнах стояли горшки с цветами, другие были грязно-мутными из-за того, что их давно не мыли, третьи вообще заменялись картоном. Из распахнутых дверей трактиров доносился звон посуды и выплывал вместе с разговорами разгоняемый вентиляторными лопастями сизый табачный дым. На заплёванных тротуарах не хватало выковыранных камней, где-то свистел на кого-то невидимый отсюда жандарм, а некоторые фонари были разбиты – не самое благополучное место в общем-то небедного города. Вилле снова убедился в этом, завернув за угол.

Трое мальчишек примерно одного с ним возраста, одетые в широкие, явно ушитые из отцовских заплатанные штаны с подтяжками и тёмно-серые рубахи – типичный фабричный люд – прижимали к закопчённому камню четвёртого, несмотря на жаркую погоду облачённого в голубовато-пепельный плащ подмастерья стеклодува. Вилле они не заметили, потому что стояли спиной. Четвёртый мальчик был ниже ростом, тоньше – ну сущая тростинка – и прятал лицо под низко надвинутым капюшоном. Вилле увидел, что вместо пряжки с цеховым знаком, у всех ремесленников и их учеников скрепляющей плащ под горлом, у этого были просто верёвочные завязочки. Мальчик-подмастерье стоял тихо, строго и молчаливо, тогда как фабричные подростки наступали на него, щерясь и глумясь.

– На праздник собрался? На карнавал? Богач ты, видимо, цаца-стекольщик... Папа платит? – гнусаво завел самый длинный, видимо, главарь это маленькой банды. – Платит за учебу и конфеты. Платит и не порет. Любит. Я вот ничем из этого не могу похвастаться. Понимаешь?

Тон его голоса к концу речи стал почти плаксивым, но дружки заржали, показывая, что им знакомы эта комедийная трагедия и всё, что бывает потом. Они окружили ученика стеклодува не оставляющим сомнения в дальнейших действиях полукольцом, а с другой стороны от подмастерья высилась стена, и бежать ему было некуда. Вилле тоже понял: побьют и ограбят. Отберут те несколько монет, которые дали ему родители, чтобы мальчик порадовал себя сладостями или каким-нибудь аттракционом в один из таких редких для ремесленных учеников выходных, потому что подмастерья не прекращали учиться и летом. Через несколько лет этот мальчик сам станет мастером и сможет открыть своё дело, начальный капитал на которое дается указом короля каждому закончившему обучение подмастерью. А сейчас же он наверняка – просто единственная надежда живущих в бедности родителей, и корпит над книгами по стеклодувному ремеслу, и терпит от своего наставника подзатыльники и оплеухи, и не высы-

пается, и обжигает пальцы горячим стеклом, и режется осколками... А эти – грабить. Чем они лучше дикарей с Юга?

Их было трое, а Вилле был один, и у него тоже позвякивали монетки в кармане, но Вилле очень не любил, когда обижают тех, кто слабее. Он заметил в урне, стоявшей здесь же, на углу этого глухого переулка, горлышко пустой пивной бутылки и потянулся за ней, осторожно извлёк, всю облепленную мокрой шелухой от семечек, крепко сжал в кулаке, подобрался. И, выдохнув воздух сквозь зубы, стремительно бросился, словно взлетел – в два прыжка подскочил к длинному и обрушил свою бутылку на его лохматый затылок.

Длинный, не издав ни звука, рухнул к ногам подмастерья, как просящий руки возлюбленной жених. Следующее событие было совсем не таким красивым – кто-то врезал Вилле по уху. Оно вспыхнуло огненной болью, от которой перед заслезившимися глазами забегали яркие искорки, и Вилле отшатнулся вбок, чуть сам не упав. Он проморгался и увидел, что на него наступают двое, страшно и деятельно, одинаково, как близнецы, приподняв верхнюю губу в оскале. Мальчик-ученик у стены не шевелился – видно, был перепуган до смерти. Дonyшко бутылки, которую Вилле держал в руке, звякнуло о камень стены, когда он в полуразмахе завёл руку за голову, готовясь защищаться. Звон навёл его на мысль, и Вилле, размахнувшись, но не вперёд, а назад, разбил бутылку об стену. Осколки посыпались ему на плечо – Вилле скосил глаза, чтобы посмотреть, что теперь держит, и увидел острую розочку. Те двое тоже увидели, а потом Вилле выставил её перед собой, и они замерли, смешно и синхронно не донеся в шаг чуть согнутую правую ногу. План сработал.

– Ты... это... – начал один, тот, что потолще. – Ты не дури, лады?

– Лады, – согласился Вилле. – Проваливайте прочь.

– А он? – второй кивнул на вожака.

– Забирайте.

Двое подростков подхватили длинного под руки и, не оглядываясь, быстро поволокли вверх по переулку. Ноги вожака, обутые в грубые ботинки с щегольскими красными шнурками, волочились следом, как плуг за лошадь. Где, в каком трактире, на какой улице или в каком доме они могли лицезреть, как пьяные взрослые пускают друг другу кровь, сжимая такие же бутылочные розочки, но факт был фактом: Вилле знал об этом, потому что ему рассказывал Марк, которому иногда выпадали дежурства на ярмарках, а эти мальчишки не только знали, но и видели, разумеется, поэтому так молниеносно и даже позорно сдались... Хорошо, что сдались: Вилле никогда бы не смог пустить своё страшное оружие в ход. Он выбросил его обратно в урну и вытер подрагивающую руку о бедро. Ухо горело.

– Мог бы и помочь, когда они на меня наступали, – всё ещё запальчиво, в непрошедшем азарте от схватки, бросил Вилле подмастерью.

Тот молча перебрал руками под своим плащом, будто одёргивая рубашку, по-прежнему отстранённый и безучастный. Вилле рассердился.

– Ты говорить вообще умеешь или как?

И тогда подмастерье показал ему нож – большой, с зазубринами и тяжёлой рукояткой, оплетённой кожаным шнуром, который всё это время, оказывается, прятал под тканью плаща. Его рука, заметил Вилле, не дрожала.

– Я много чего умею, – сказал подмастерье нежным девичьим голосом. – Защищаться в том числе. Ты сам виноват, что вмешался. Никто тебя не просил.

На переулок опустилась тишина – перестал свистеть далёкий жандарм, затих цокот копыт. Пока Вилле, изумлённо раскрыв рот, пытался сообразить, что ответить, подмастерье добавил:

– Я бы просто их прирезала.

Зазубрины остро бросались в глаза и выглядели так, будто ножом уже неоднократно пользовались как раз в значении слова «прирезать». Вилле вдруг стало нехорошо. Рука была тон-

кая, смуглая и красивая, мальчик говорил о себе почему-то совсем не в мужском роде, а потом он снял капюшон, и Вилле увидел, что это не мальчик – девочка. С жёлтыми, коротко стриженными волосами, аккуратным горделивым носом и голубыми глазами, которые были очень ярки на худеньком загорелом лице. В глазах ясно читалось неудовольствие.

– Ну, а на меня-то за что... – беспомощно пробормотал Вилле. – Так говорить – «виноват». Я же этого, который длинный, по голове... а тех прогнал... а ты – девочка?!

Обладательница ножа насмешливо фыркнула.

– У тебя хорошее зрение. Но соображаешь ты туговато... Как тебя звать, бутылочный рыцарь?

– Вилле.

– Надо было ткнуть их розочкой в пузо, Вилле. Сначала одного, потом другого. Из таких, как они, вырастает первосортная дрянь.

– Как южные дикари? – вежливо спросил Вилле.

Девочка вдруг разъярилась.

– Кретин! – зашипела она и опасно взмахнула ножом. Вилле попятился. – Чистоплюй, мамашин сынок, болван оболваненный... Тьфу!

Она развернулась на пятках и стремительно прошествовала прочь – только взметнулся плащ. Вилле, чересчур огорошенный, чтобы обидеться, кинулся следом.

– Стой! Стой и объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду.

– Иди к чёрту.

– Я тебе вообще-то помог, что бы ты там ни говорила.

– Спасибо, – иронично бросила девочка через плечо. – А теперь – гуляй.

– Я и так гуляю, – в тон ей ответил тот. – И как раз направлялся на праздник, когда увидел, как ты и эта троица мирно беседуете. Знаешь, мне кажется, что гулять лучше вдвоём. А то выползет из-за угла такое же, в красных шнурах... И ты что же – правда бы это... ну, ножом...

Девочка резко остановилась, и Вилле чуть не врезался ей в спину.

– Своего первого жандарма я убила, когда мне было восемь, – серьёзно и строго сказала она, не оборачиваясь.

Вилле улыбнулся – да она шутит! Он добродушно дёрнул девочку за сброшенный капюшон.

– А у тебя – хорошее чувство юмора... – начал было он, но не договорил: взметнулся ураган, который был на самом деле плащом, тонкая красивая рука – не та, что с ножом, свободная – больно впиалась ему в горло, стихийная, как тот же сильный ветер, сила вдавила его спиной в стену, а кончик зазубренного лезвия замер, не доставая до его левого глаза ровно на длину ресницы. Глаз, Вилле знал по урокам биологии, не ощущает температуры, но сейчас ему показалось, что кончик ножа – ледяной. Глаз словно от этого остекленел и сам стал, как недвижная ледышка.

– Что... – только и смог прохрипеть он.

– Я не люблю, когда до меня дотрагиваются, – спокойно объяснила девочка. – До моей одежды в том числе.

– И-извини...

Она немного выждала, пристально глядя во второй, не скрытый нацеленным оружием глаз, словно решая, принимать ли извинения, потом убрала нож и руку с горла. Она была ниже его ростом и была девочкой – просто девчонкой, но своим поведением вызвала страх, и Вилле мог найти этому страху только одно объяснение: девочка не шутила.

– Извини, – глупо повторил он и сглотнул.

– Нам не по пути, Вилле, – только и сказала она. – Поэтому я сейчас уйду, а ты остаешься.

– Но я шёл на карнавал, – несчастно произнёс он.

– Тогда выбери себе другой переулок. Пока.

Он смотрел, как она уходила, и не испытывал теперь никакого желания догонять. Какая странная... злая... пугающая, да разве такими должны быть девчонки? Вилле тряхнул головой. Невысокая фигура в голубовато-пепельном плаще исчезла за поворотом. Она снова накинула капюшон. Прячет лицо? Почему? И зачем тогда ему показала... А глаза-то у нее чудесные – как безоблачное летнее небо. Но слишком хищный страшный нож и жутковатые повадки. Нет, пусть идёт своей дорогой, ремесленница...

Девочек в подмастерья не брали. Вилле вспомнил это, когда уже торопливо шагал по соседней улочке.

Часть пути до первого моста через канал Вилле проехал, догнав отошедший от остановки фабричный трамвай и запрыгнув на ступеньку позади площадки. Там уже висела гроздь мальчишек, которые, впрочем, привычно потеснились. Один, конопатый и без двух передних зубов, поинтересовался у Вилле, не с жандармом ли он сцепился – вон, какое красное ухо. Вилле с ходу придумал историю о том, как случайно вlepил мячом в жандармово сиденье. Конопатый восторженно хлопнул его по спине и угостил ириской. Вилле повеселел. Образ неприятной встречи побледнел, полустёрся – ну, девочка в ремесленном плаще, ну, с ножом и странная, так мало ли в городе странных людей... Правда, что-то такое она сказала про дикарей, вернее, возмутилась, когда Вилле сказал. Может, её родители из того сумасшедшего комитета, который ратует в Совете земель о предоставлении дикарям автономии? Чокнутые. Каждому школяру ясно, что южные дикари не способны к созданию государства. Всё, что они умеют – это грабить, жечь и пакостить. К тому же, Юг – это исконные земли королевства. С чего их отдавать, даже под частичное управление, каким-то неотёсанным тупицам? Трамвай прозвенел, отгоняя с рельсов замешкавшегося возчика телеги, гружёной досками. Солнце косо лилось через островерхие крыши. Конопатый парнишка рядом принялся насвистывать песенку. Жаль, что скоро пришлось спрыгивать, потому что трамвай шёл на западную окраину – вез усталых рабочих домой с ночной смены. Конопатый помахал Вилле рукой, и тот подумал, что трамвай сейчас, возможно, увозит его неслучившегося друга. Хотя судьба – хитрая штука, может, ещё и столкнет. Как и с той девочкой. Только пусть у неё в следующий раз не будет ножа, а лучше будет другое – настроение подружельюбней...

У почтового отделения Вилле увидел гвардейцев. Рослых, с ружьями за спиной, в идеально отутюженной форме. Увидел, обмер и присел за косо стоящим одним колесом на тротуаре бело-зелёным автомобилем почтальона. Гвардейцы шумно болтали и пили воду из кувшина, который вынесла им темноволосая девушка-служанка. Это, скорее всего, был вспомогательный пеший отряд, направляющийся к мосту. Все мосты в городе и за ним охранялись гвардейцами. Вилле поискал среди гвардейцев знакомые лица, не нашёл и чуть успокоился. Отправка домой пока откладывалась. Теперь самое главное для него было – перейти мост и остаться неузнанным. Тогда как все фургоны и автомобили на мостах досматривали, – насколько серьёзно, зависело от степени подозрительности вида возницы, водителя и пассажиров – то на пешеходов обращали внимание меньше. Если они, конечно, не были закутаны с головы до пят и не имели ярко выраженной южной внешности – и Вилле подумал о девочке в плаще. Хотя ей, желтоволосой, чего бояться, а плащ наверняка снимет... Он же собирался пристроиться позади какой-нибудь компании – семейной или мальчишеской, чтобы сойти за отставшего сына или за одного из фабричных огольцов. Не спросил у конопатого, собирается ли он на праздник, а если вдруг не собирался бы, то Вилле бы его уговорил... На всякий случай убедившись, что гвардейцы вспомогательного отряда повернулись к нему спиной, заигрывая с краснеющей служанкой, Вилле быстро миновал почтовое отделение. Он углубился в очередной лабиринт предместных улочек, где среди домов уже начинались торговые лавки

и мастерские, и шагов через триста почувствовал запах канала – илистый, влажный, прохладный.

Компания обнаружилась сразу же – добропорядочная семья мастерового. Высокий худой мужчина в выходном костюме сливочного цвета, его красивая жена и четверо детей. Старшие визжали и гонялись друг за другом, играя в пятнашки. Самый младший мальчик волочил за собой деревянный паровоз на верёвочке. Ступив на сбитые плиты моста, который изгибался над каналом, мальчик замешкался – его транспорт застрял колесами между камней улицы. Вилле подоспел до того, как мальчик поднял рёв, помог вызволить пленника и взял ребёнка за руку, на что тот отреагировал очень радостно и доверчиво: принялся рассказывать о своих взрослых планах – изобрести летающий поезд. Вилле слушал и кивал. Мать, обернувшись было к младшему сыну, улыбнулась Вилле. Они с мальчиком догнали её и пристроились в хвост. Глава семейства любяще ворчал на старших. Идя по пешеходному правому краю в неплотном потоке празднично одетых и весёлых людей, Вилле, как всегда с удовольствием, разглядывал балюстраду ограждения. Розовый мрамор, очень редкая вещь, гладкий, тёплый, поблёскивающий, выточенный в виде больших капель... За ограждением, под мостом, лениво застыли зеленоватые воды канала. К карнавалу его почистили – никаких бумаг и апельсинных корок. Не так далеко был виден прогулочный пароход с белым дымком из трубы и огромным гребным колесом, из тех, старинных, что так обожают туристы: просмоленные тёмные доски, каюты с отделкой из дуба и меди, команда в фуражках с якорем и полосатые шезлонги на верхней палубе, где можно безмятежно вытянуться и наслаждаться коктейлем. На рейде стояли и маленькие яхты. Набережная, с обеих сторон обсаженная кипарисами, впитывала своей поверхностью солнце. Ещё час-два, и камень будет обжигать даже через подошвы. Красные крыши предместий оставались позади, дугой вытягиваясь вдоль кольцеобразной набережной. Вилле показалось, что в жёлтом мареве над ними он видит Стену. Это была неправда, Стена шла с южной стороны города, но в такие знойные летние дни иногда возникал мираж – будто отражение в воздухе. Тогда Вилле представлял себе, что город забран Стеной со всех сторон, как крепость. Город-крепость – это почти что город-государство. А вот дедушкина резиденция в него не войдёт – если только не решат захватить Стеной ещё и деревню, и поля, и реку... Мальчик, которого он вёл, просительно подёргал его пальцы.

– А что там? – мальчик, заметивший, куда смотрит Вилле, тоже увидел мираж.

– Это Стена, которая защищает город от дикарей. Только она не здесь, а с южной стороны. Здесь мы видим её отражение.

– Отражение в небе? – восхищённо спросил мальчик.

– Да. В горячем воздухе. Как в зеркале.

– А почему воздух отражает, как зеркало?

– Вот подрастёшь, пойдёшь в школу, – произнесла мать. – Узнаешь и нам всем расскажешь. Правда?

Она обратилась к Вилле и снова ему улыбнулась. Интересно, все мамы улыбаются так? Вилле нахмурил лоб, пытаясь вспомнить. Ему было три года, когда «Левиафан» рухнул в горах, поэтому улыбку своей он не знал, позабыл. Улыбка, наверное, тоже разбилась о скалы. Красивая жена мастерового что-то прочла на его лице. Она замедлила шаг, чтобы поравняться с Вилле, и погладила его по плечу.

На середине моста трое вооружённых гвардейцев проверяли блестящий вишнёвый автомобиль. Ещё двое сидели в маленькой будке из дерева, прячась от солнца. Эти смотрели на пешеходов. Все незнакомые, не те, кто бывает в особняке наместника, хотя дедушка с его отличной памятью несомненно знает всех своих подчинённых по именам. Старший из сидящих в будке, загорелый, с тёмным шрамом через бровь, проводил семью мастерового добрым взглядом. Досталось доброты и Вилле – он сразу почувствовал стыд за то, что вынужден таиться. Стыд, а ещё и горечь, и тоску: и у него могла бы быть такая большая семья, с которой

он бы ходил на праздники. Но «Левиафан» упал, и ничего с этим не сделать. Один из винтов, говорил дедушка, до сих пор лежит в горном ущелье. Пастухи приспособились отдыхать под его искривлёнными, бросающими тень ржавыми лопастями.

Большая вытянутая тень висела и над улицей с этой стороны канала. Дирижабль, застывший в воздухе, казался снизу аккуратным, заострённым на двух концах овалом с наростами по бокам – работающими сейчас на холостых оборотах винтами. На брюхе кабины алел знак короны. Выдвижных турелей видно не было, и оттого у дирижабля пока оставался прогулочный вид. Однако такое мирное средство воздухоплавания могло снижаться над городом до уровня крыш и даже ниже, чтобы использовать находящееся на борту оружие, если участвовало в столкновениях с бандой южных дикарей. Хотя гораздо чаще, чем в городе, дирижабли использовались за Стеной. Что они там делали – патрулировали, поддерживали с воздуха сторожевые гарнизоны, Вилле точно не знал. Но, как и все вокруг, твёрдо знал другое: ни жандармы, ни королевские гвардейцы, которыми руководил здесь военный наместник, никогда не применяли силу и своё оружие против поселений южных дикарей, не обижали ни детей, ни женщин, потому что, может, дикари и необразованные грубые личности, но причинять им вред просто так никто не будет. Только тем, кто идёт на город с необъявленной, ведущейся уже много лет подлой трусливой войной. Только тем, кто первым поднимает оружие, и это уже не причинение вреда, а защита.

За мостом Вилле выпустил руку мальчика, чтобы, впрочем, тут же снова взять её и пожать, пообещав, что подумает насчёт работы кочегаром на летающем паровозе. Мать поблагодарила его за помощь: «Когда столько детей, за всеми трудно следить». Высокий худощавый отец наконец согнал старших в кучу. По неловкой паузе Вилле почувствовал, что женщина сейчас пригласит его пойти на карнавал с ними, и хотел было подождать, пока она скажет это, и согласиться, – семейство ему понравилось – как вдруг увидел мелькнувшее среди кипарисов знакомое голубовато-пепельное пятно. Та девочка или кто-то другой? Он сердечно распрощался с семьей мастерового и, торопливо шагая, чуть ли не срываясь на бег, поспешил вдоль набережной, где стояли скамейки, витые столбы фонарей и росли цветы на клумбах, презрев при этом широкую улицу – короткий путь через кварталы зажиточных домов ко второму каналу. Не зная толком, зачем он делает это. Разве зазубренный нож не дал понять, что Вилле не особо рады? А прямо сказанные слова? Вилле бездумно вытер со лба выступивший то ли от быстрой ходьбы, то ли от зноя пот. Пятно приблизилось. Невысокая, стройная фигура с маленькими кистями рук и ступнями, с заметным даже под тканью плаща изгибом талии – и как Вилле умудрился принять её за мальчишку? Это, без сомнения, была его знакомая из переулка, и в руке она что-то несла. Ящик с ручкой сверху, судя по всему, очень тяжёлый – на глазах Вилле фигура в плаще ученика стеклодува остановилась передохнуть, поставив ящик на крапчатые плиты набережной. Потрясла рукой, которая, должно быть, устала, оперлась другой о кипарисный ствол. Когда девочка уходила по переулку, никакого ящика при ней не было. Зашла куда-то, взяла, и теперь ей трудно нести. Надо бы подойти и помочь. Но у неё ещё и нож, которым в приступе непонятной злости она чуть не лишила Вилле глаза. Так что же делать? Вилле, тоже остановившись, в раздумьях потоптался на месте. В кипарисах орали цикады. По мостовой протарахтел открытый автомобиль-кабриолет. Вечерами на набережной было полно прогуливающегося народа, а сейчас – почти никого. Лишь треугольные столбы кипарисов, цветущие азалии и флоксы, пустые скамейки и чуть дрожащий воздух. И голубовато-пепельный упрямый плащ, который снова поднял ящик и поковылял, заметно клонясь набок. Решение пришло само.

– Ты надорвёшься, – догнавший медленно шагающую девочку Вилле бесцеремонно высвободил ручку ящика из вцепившихся в него маленьких пальцев. – Надорвёшь руку и не сможешь держать свой нож. Как ты тогда будешь им кого-то резать?

Пальцы выпустили ящик сразу же – с каким-то бессознательным облегчением, но тут же, словно опомнившись, крепко сжались поверх пальцев Вилле. Ладонь девочки была мокрой и жёсткой, с ощутимыми бугорками мозолей.

– Ты?! Отдай сейчас же!

Повернув голову, она ошеломлённо смотрела на него. Капюшон свалился с головы.

– Нет уж. Сама отпустила, – с улыбкой ответил Вилле.

– Я просто не поняла... задумалась... Отдай!

Она полезла за пазуху – за ножом, должно быть. Вилле поспешил вмешаться.

– Я увидел, как тебе тяжело. Я вовсе не хочу отобрать его и удрать, поверь мне! Я только хочу помочь, донести...

– Справлюсь и без тебя!

– Может быть. Но давай мы проверим это в другой раз.

Нож она всё же достала – под отворотом плаща блеснула сталь. Наверное, девочке ещё не понравилось, что он коснулся её руки, ведь в переулке она сказала ему, что не любит, когда до неё дотрагиваются... Но ящик был и правда тяжёл, и девочка очень устала тащить его по жаре, а Вилле выглядел безобидно, – улыбка до ушей и вихрастые волосы – поэтому она вздохнула совсем по-взрослому и убрала нож обратно.

– Я ведь предупредила тебя, чтобы ты шёл своей дорогой, – строго сказала она.

– Знаю. Но я не виноват, что моя дорога снова совпала с твоей.

– Не надо придумывать: к карнавалу короче всего через центральный проспект. Для чего ты свернул на набережную?

– Подышать свежим воздухом.

– Лгун. Ты заметил меня.

– И заметил тебя, – согласился Вилле. – Заметил и вспомнил, что не узнал твоего имени.

А я, знаешь ли, собираю имена.

– Что за чушь, – проворчала девочка. Они по-прежнему стояли друг напротив друга. Вилле держал ящик. Ему тоже было тяжело, но он не хотел ставить его на плиты, чтобы девочка не подумала, что он – слабак.

– И вовсе не чушь. Кто-то коллекционирует бабочек... или монеты... а я вот – человеческие имена. Одну тётку, бывшую у нас дома поварихой, звали Гуанолия. Представляешь?

– Повариха, – девочка фыркнула. – Значит, ты небедный, Вилле. Богатей-бездельник.

– Почему бездельник? – Вилле немного обиделся.

– Нормальные богатеи сидят в своих дворцах и пьют аперитивы. Им недосуг шататься по предместьям и влезать в свары с фабричными недоумками.

– Мне нельзя аперитивы, я же только подросток... Слушай, что там такое? – Вилле чуть приподнял руку с ношей, пытаясь определить вес.

– Стеклянные реторы, – буркнула девочка. – По мне незаметно, что я могу носить что-то ещё? Да не трясись ты ящик!

Но Вилле опять улыбнулся – не было в ящике никакого стекла, это он уже понял.

– Гвардейцам на мосту ты тоже так сказала? И они не захотели проверить?

– Я ничего им не говорила, потому что не шла по мосту.

– А как тогда ты тут оказалась?

– Переплыла канал на лодке.

– Теперь возвращаешься к ней? С этим ящиком?

– Ну, допустим...

– Значит, тебе его кто-то дал на этой стороне. Зачем? И почему лодка?

– Много будешь знать – умрёшь в канаве с выпущенными кишками.

– Ты грубая. Тебе так нельзя.

– Это отчего ещё? – в голосе девочки явственно зазвучала угроза.

– Потому что ты очень красивая.
– Иди-ка к чёрту.
– Туда ты меня уже посылала. Лучше скажи мне, как тебя зовут.
– Тьфу! – сплюнула девочка. – Какой прилипала... Сенджи. Моё имя – Сенджи. И хватит стоять, как столбик. Раз взялся нести, то шагай...

– Прекрасное имя. Я такого ещё не слышал, – сказал Вилле в спину девочке. И, довольный, пошёл за ней следом.

Она скоро выровняла шаг, чтобы идти бок о бок, и периодически поглядывала на него с затаенным подозрением – а не удерёт ли, прихватив ящик, хоть и заверил, что не имеет такого желания. Влажный отблеск ярких радужек завораживал и притягивал. Загорелая кожа шелушилась на лбу. Сбоку носа у Сенджи был длинный белый рубец-царапинка – может быть, задел, играясь, её домашний кот. Золотые короткие пряди растрепались и прилипли к вискам.

– Ты бы сняла свой плащ, – сочувственно произнёс Вилле. – Тебе ведь в нём жарко.

– Он не мой, – коротко ответила Сенджи, проигнорировав заботу.

– Как знаешь. Сенджи, а сколько тебе лет?

– Четырнадцать. А в чём проблема?

– Ты, значит, старше на год, – огорчился Вилле. – А я-то думал, наоборот.

– Малявка, – Сенджи впервые улыбнулась. И пусть эта улыбка гораздо больше походила на самодовольную усмешку, Вилле был рад, что вызвал у спутницы какое-то другое чувство, а не злобу и агрессию.

– Наверное, – грустно сказал он.

– Не наверное, а точно. Однако для малявки ты очень ловко lupишь людей бутылками по голове, – и Сенджи изобразила, как Вилле замахивался. – И знаешь толк в стеклянных розочках, хоть и не пустил ту в дело... Жаль, что не пустил, конечно. Ты боишься крови, Вилле?

Обрадованный тем, что она выразила одобрение, Вилле почти перестал ощущать тяжесть неудобного ящика.

– Вообще-то нет. Лет в семь я упал с дерева и сломал себе ногу – открытый перелом, кровь рекой, всё такое... Мне и больно-то почти не было, хотя дедушка потом сказал, что это из-за сильного шока, а было любопытно, что внутри меня, оказывается, так много красной жидкости.

Он слегка преувеличил, вернее, преуменьшил, потому что боль была, и ужасная, но был и интерес, и, по крайней мере, Вилле не грохнулся в обморок, как один совсем юный гвардеец, который подоспел к Вилле первым и увидел, что тот сидит на дорожке под буком в луже собственной крови. Просто хотелось как-то реабилитироваться за дающий преимущество Сенджи лишний год.

– Да, внутри человека крови достаточно, – согласилась Сенджи. – А если отрубить ему голову, то она бьёт фонтаном.

– Ты видела? – ничего умнее Вилле не придумал.

– Я знаю, – с той же усмешкой сказала Сенджи.

Они прошли шагов семьдесят, когда Вилле увидел спускающиеся к воде ступени. Сенджи решительно направилась к ним. Лестница была узкой, и Вилле пропустил Сенджи вперёд, которая, оглянувшись на него, впрочем, уже без всякого подозрения, стала спускаться. Край её плаща тёрся о растрескавшийся мрамор ступенек. Совсем рядом зеленоватые воды канала, под солнечными лучами кажущиеся изумрудными, облизывали парапет. Выкрашенная в облезлый серый цвет лодка, привязанная к деревянному колышку причала, чуть покачивалась на спокойной глади. Весла застыли в ключинах.

Сенджи забралась в лодку и деловито сказала:

– Всё. Давай ящик сюда.

Вилле неохотно поставил свою ношу на дно лодки, где лежала грязная ветошь. Помешкал и задал вопрос:

- Ты поплывешь назад в предместья?
- Возможно, – уклончиво ответила Сенджи.
- А на карнавал ты не собираешься?
- Думаю, нет.
- Почему? Не любишь праздники?

Сенджи, до этого занятая тем, чтобы устроить ящик под ногами поудобней, подняла голову.

- А что такое праздники, Вилле?

Она смотрела на него выжидающе. Он, не очень поняв вопроса, всё же попытался ответить.

– Ну... сладости, много весёлых людей, выступления акробатов и фокусников... Можно посмотреть на дрессированных животных, поучаствовать в конкурсах, объесться сладкой ватой и мороженым. Узнать судьбу у гадалки. Прокатиться на карусели... и на слоне. Да ты сама как будто не знаешь! Что бывает, когда головы рубят, знаешь, а про праздники – нет...

Сенджи покачала головой, как Вилле показалось – скорбно.

- А за чей счёт все эти радости происходят, ты в курсе, Вилле?

- За счёт города, конечно.

– За счёт города, – повторила Сенджи и издала короткий звук, очень похожий на вырвавшееся отвращение. – Ну да, ну да...

Она потянулась к колышку, чтобы отвязать веревку, и Вилле заторопился:

– Но ты не ответила! Почему ты не хочешь пойти? Занята? У всех ремесленников ведь выходной...

- А я – не ремесленник, – возразила Сенджи. – И плащ, как уже говорилось, не мой.

- Ага, и в ящике не реторы, я понял. Сенджи!

– Иди, а то опоздаешь, – со странной мягкостью сказала она. – Бутылочный рыцарь, дурак...

Вилле глядел, понурившись, как она делает первый взмах вёслами. Ловкие, крепкие, маленькие руки, совсем не по-девчачьи уверенно сжимающие тёмное дерево. А ведь весла тоже нелёгкие... Сенджи отчего-то помедлила, тоже смотря на Вилле. Он не мог понять, какое выражение сейчас таят её глаза.

Капюшон она не накинула.

– Вилле, – твёрдым глуховатым голосом произнесла вдруг Сенджи. – Уходи с праздника, как только начнёт темнеть. Может быть, произойдёт нехорошее.

– Мне сказал один мой друг, – ответил Вилле. – Сказал, что в прошлом году, когда горела фабрика, люди нашли послание на одной из стен. Дикари написали, что они хотят сжечь карнавал. Так это правда?

Сенджи выдохнула сквозь стиснутые зубы. Она словно сдерживала себя, чтобы не сорваться и не выхватить нож, как полчаса назад в переулке. Наконец успокоилась и сказала ровным тоном:

– Это ложь. Южные, как ты говоришь, дикари ничего жечь не будут. Будут жечь те, кто работает на королевскую службу пропаганды. Вилле, запомни: ни один из тех, кто живёт за Стеной, никогда не был врагом, пока король не решил их такими назвать и сделать. Я знаю, что ты мне не веришь, но хотя бы запомни. И уходи до темноты.

Она взмахнула веслами ещё раз, и тогда Вилле прыгнул.

Он приземлился почти в центр лодки, которая чуть не перевернулась. Ящик больно ударил его по лодыжке и голени. «Кретин!» – закричала Сенджи, хватаясь за борта. А в гневе она

ещё красивой, сказал себе Вилле, но только вот теперь наверняка достанет свой нож и не убьёт его, пока не... Как там – кровь фонтаном?

– Кретин! – бушевала Сенджи. – Сумасшедший!

Он смущённо и неловко улыбался ей, и, возможно, из-за этого она быстро прекратила свои вопли.

– Тебя самого надо на помост к трюкачам. Отлично знаешь один фокус, который называется – «выводить из себя». Словами и действием. Нет, ну кретин же... Чего ты от меня хочешь?

– Чтобы ты объяснила мне свои слова про южных дикарей и поджоги. Про то, что я – болван оболваненный, – Вилле устроился на низкой лавке. – Я могу сесть на вёсла, кстати.

– Богатенький мальчик умеет грести? – съязвила Сенджи.

– Умею. Меня Марк научил. Мой старший друг.

– Тот друг, что сказал тебе про поджоги?

– Нет, это Анри. Он фермер, возит нам фрукты и овощи... Анри сегодня пойдёт на праздник со своей маленькой дочерью. Я не хочу, чтобы с ними что-то случилось, Сенджи.

– Ну, а я тут при чём? – спросила Сенджи раздражённо.

– При том, что что-то знаешь. Я не уйду, Сенджи. Поэтому или рассказывай, или бери свой нож и это... кишки наружу... Сможешь потом перекинуть мой труп через корму?

Сенджи вдруг расхохоталась. Но это был горький, безрадостный смех, немного вымученный, словно его обладательница решила, что лучше уж неживой хохот, чем ругань. Она вновь положила руки на вёсла и пошевелила левым, выравнивая свою лодку. Станный, взрослый нервный тик свёл на мгновение её щеку.

– Вёсла я тебе не дам, – тихо сказала Сенджи. – Потому что ты не знаешь, как там правильно грести. Ладно, я возьму тебя с собой. Но потом пеняй на себя.

Вилле обрадовался.

– Нет уж, я не стану жалеть... Но куда мы плывем? К тебе домой?

Сенджи ухмыльнулась уголком рта.

– На карнавал.

– Постой-ка, – Вилле недоумённо посмотрел на неё. – Но ведь канал – кольцевой. Нет никакого смысла плыть, потому что расстояние до площади не изменится. В любом случае нам придётся идти пешком.

– Это ты так думаешь, – ответила Сенджи.

Широкими и уверенными гребками она повела лодку вдоль набережной, держась на небольшом отдалении от её мраморных стен. Здесь – мрамор, а в метрополии набережные из гранита, но метрополия стоит на берегу моря, и море это ледяное, солёное, мрамор бы быстро разъело... или же дело в другом? Город богат, как знал Вилле, но и метрополия тоже. Мрамора здесь немало, добывают его где-то в карьерах – где-то за Стеной, и вот ещё зачем нужны патрульные дирижабли и гарнизоны гвардейцев... Мысли набегали одна на другую и путались, поэтому Вилле стал думать о дедушке. Что бы тот сказал, услышав от Сенджи о поджогах, вершимых не дикарями, а какими-то пропагандистами? Сенджи ведь ещё ребёнок. Ребёнок с ножом. Ей просто кто-то задурил голову, а теперь и она, поверив, в свою очередь...

– Сенджи, а кто твои мама и папа?

– Земля и трава, – сказала Сенджи. – Они умерли.

Вилле ощутил неловкость. Зря это он...

– Мои тоже, – и поспешно добавил: «Прости».

В голубых поблёскивающих глазах отразилось изумление.

– Вот оно как, – протянула Сенджи. – Ты, Вилле, выходит, такой же... Не ожидала.

Они помолчали. Сенджи вздохнула.

– Скучаешь по ним?

– Я был слишком маленький, когда это случилось. Они летели на дирижабле, может, ты слышала – «Левиафан». Он разбился в горах. Я очень плохо помню родителей. И давно привык, что у меня их нет.

Сенджи чуть наклонила голову.

– Мне всё равно жаль, Вилле. Потеря – всегда потеря, даже если ты и владел потерявшейся вещью слишком недолгое время, чтобы привязаться к ней и... осознать присутствие. Ты извини, что я говорю так материально. Люди – не предметы, я знаю. Но...

– Да ничего, – удивлённый Вилле не сразу нашёлся с ответом. – Просто у тебя сейчас речь, как у студиоза какого-то... Ты мне не соврала насчет возраста? Может, тебе все восемнадцать?

– Вот ещё, – фыркнула Сенджи. – Я не такая старуха. А если будешь обзывать, получишь в лоб. Тоже мне выдумал – «студиоз».

– Ну, студент...

– Я поняла.

Про своих Сенджи не рассказала, и Вилле не стал расспрашивать («Однако с кем же она тогда живёт?»), ведь и она не спрашивала, что случилось с его родителями, а он сам разоткровенничался, по собственной воле. Но, кажется, они стали чуточку ближе. Во всяком случае, Сенджи довольно-таки мирно попросила Вилле убрать ноги под лавку, чтобы не мешались, и предложила глотнуть воды – в лодке у неё была фляга. Вилле сказал спасибо и, открутив колпачок, сперва опасливо принялся: фляжка напомнила ему про Анри и его, как тот называл, огненный лимонад. Сенджи, заметив, заверила, что травить Вилле у неё и в мыслях не было «Другое дело ножом», – подумал Вилле и объяснил спутнице, почему это он так нюхает, а заодно и изобразил, как смешно у Анри начинает заплетаться язык, когда он переберёт своего «лимонада». Сенджи опять расхохоталась, уже не вымученно, а искренне. Дуга моста, по которому шли горожане, осталась за изгибом канала. Черепичные крыши домов ремесленников и яркие вывески лавок отражались в зелёной воде.

– Там в мешке, откуда ты взял фляжку, есть ещё фонарь. Достань его, пожалуйста.

Вилле и сам почувствовал, когда полез за водой, что в мешке под лавкой Сенджи лежит что-то, напоминающее собой стеклянную, окованную металлом лампу. Он снова развязал холщовый мешок и запустил туда руку. Нашупав железное кольцо, венчающее фонарь, Вилле вытащил его наружу и устроил на лавке рядом с собой. Фонарь был одно название – заляпаные воском стёкла и прилепленный к жестяному дну толстый белый огарок свечи.

– Фонарь. Экономная версия, – произнёс Вилле. – Зачем он днём?

Вместо ответа Сенджи пошарила под своим плащом и извлекла маленькую мятую коробку.

– Спички, – передала она коробку. – Как зажжёшь, сразу плотно прикрой дверцу. Там сверху есть щели для воздуха, но боковую надо закрывать, а то задует.

– Ветра нет, – заметил Вилле.

– Будет, – пообещала Сенджи.

Вилле, пожав плечами, запалил фитиль и послушно прикрыл дверцу. Потом, руководствуясь указаниями Сенджи, утвердил фонарь позади себя на носу лодки – в жестяном днище была не замеченная Вилле выемка, которая точно совпала с выпиленным из доски и посаженным на прочный клей куском бруса. Сенджи вытащила вёсла из уключин и отдала одно Вилле.

– Пока держи у себя. Потом, как скажу, отдашь.

– А помочь тебе можно будет? – спросил Вилле почти жалобно.

Сенджи смотрела куда-то ему за спину.

– Пока нет. Сначала будет течение, да и после тоже, там надо управлять, умея... Хотя поглядим. А помощь твоя, пусть и в другом, потребуется сейчас. Сядь наоборот, лицом к фонарю. Весло можешь положить на дно лодки... Так. Теперь жди и высматривай.

– Что?

– Решётку.

Вилле устался в отвесную стену канала. Вблизи она оказалась очень грязной от наросших бурых водорослей, ила и разводов, отмечавших поднимающийся и опускающийся уровень воды. Некрасивой, растрескавшейся. Вилле никогда не задумывался, отчего в канале бывают своеобразные приливы и отливы. Он этого даже не знал.

– Все три канала соединены стоками, – заговорила за его спиной Сенджи. Теперь она управляла одним веслом и очень осторожно, потому что лодка шла почти вплотную к стене. – Тоже каналы, только подземные. Они берут начало от реки за городом и частично уходят в грунт, частично – в пересыхающие ручьи за Стеной. А ты полагал, что каналы – замкнутая система? Э, нет. Так в них вся вода бы зацвела и сгнила. Город строили не дураки.

– Ого, – сказал Вилле. – Это здорово. Значит, можно плавать ещё и под городом... Но разве это разрешено?

Он не видел лица Сенджи, но представил, как она опять усмехается.

– Нет, конечно. Обычным людям там плавать нельзя, только служащим очистной компании. Да и не получится. На каждой решётке – замок.

– А как тогда поплывём мы?

– А у нас есть ключ.

– Откуда, Сенджи?

– Друзья дали.

Что это за могущественные друзья, и служат ли они в той самой очистной компании, Вилле спросить не успел, потому что увидел решётку. Круглую, ржавую, наполовину утопленную в воде, с действительно болтающимся на ней навесным замком. Вилле предупредил Сенджи, но и она уже заметила – подняла весло, чтобы ленивое течение канала развернуло лодку носом точно к решётке. За прутьями колебалась вода, кажущаяся маслянисто-чёрной, и фонарь-свеча отбросил на нее полукруг бледного света. Округлый каменный свод уводил вглубь, куда свет не доставал. От решётки едко воняло мокрым железом и слизью. Вилле поморщился.

Высоты свода на первый взгляд хватало, чтобы под ним прошла узкая лодка и сидящие в ней пассажиры, но очень уж не хотелось дотрагиваться до самой решётки, а это, судя по словам Сенджи о помощи, делать всё же предполагалось. Вилле обернулся на спутницу и увидел, как она роется в карманах под плащом. Он увидел, впервые присмотревшись внимательно, и то, во что она одета: легкие коричневые бриджи и такая же рубашка без рукавов со странным рядом пуговиц – наискосок. Рубашек, так застегивающихся, Вилле никогда не носил и до сегодняшнего дня не знал. На ногах у Сенджи были ботинки, сшитые из запylённой чёрной кожи. Нож висел в ножнах на поясе. Сенджи наконец нашла ключ и осмотрелась – не заметил ли кто, что они задумали. Но пароход и яхты остались с другой стороны от моста, а сам мост тоже исчез из вида. Зелёная гладь была пустой и позолочённой солнцем. Правда, кто-нибудь мог наблюдать из окошек домов, тех, что на противоположном берегу, но ширина канала играла на руку: с такого расстояния, да ещё в мареве жаркого дня, двое в лодке вполне закономерно показались бы любому человеку обычными рабочими-чистильщиками, проверяющими очередную сток. Сенджи протянула ключ Вилле:

– Открывай, пока нас не отнесло от решётки.

Он крепко сжал в пальцах холодное тельце ключа, боясь уронить его в воду, сглотнул ставшую горькой слюну и потянулся к замку. Замок тоже был ржавым, он неприятно-шершаво тёрся о пальцы и красил их в цвет умершего железа. Ключ провернулся со скрипом, и Вилле, вынув замок из прутьев и металлического ушка, прибитого штырем к грязному мрамору, положил вместе с ключом себе на колени. Тыльной стороной правой ладони он вытер капли пота со лба. Сенджи нетерпеливо завопилась.

– Ну, открывай!

Пересилив отвращение, Вилле качнул решётку, которая, трудно и упруго взбаламутив воду, отворилась внутрь. Он еле успел убрать руку, как Сенджи направила лодку в жерло стока. Сделала три медленных гребка, загоня лодку внутрь, затем ещё один и постучала Вилле по плечу.

– Теперь нужно закрыть. Дай мне.

Он с облегчением передал ей ключ и замок, а она вернула решётку на прежнее место и, безо всякого колебания просунув тонкие пальцы сквозь пачкающиеся и мокрые прутья, приладила замок обратно. Вытерла руки о плащ и протянула его краешек Вилле, делясь, как полотенцем.

– А если бы кто-то из нас уронил ключ? – стерев ржавчину и скользкую слизь, Вилле почувствовал, как заставляющая костенеть брезгливость уходит. Ему даже захотелось шутить. – Пришлось бы из чистильщиков стать водолазами?

– Пришлось бы нырять, – серьёзно согласилась Сенджи. – Я ныряла два раза.

– Так канал же очень глубокий, – и Вилле не добавил «грязный».

– Не очень, футов двадцать.

– И это для тебя – не очень?!

– А что поделать. Ключ – ответственность.

Она умела грести и нырять, как взрослые рыбаки-мужчины, а ещё носила с собой нож и непонятные слова о том, что Вилле – болван, потому что несправедливо считает дикарей с юга поджигателями и врагами. Она была странной и очень красивой, и знала эти тёмные тоннели-стоки, и куда-то везла его, и отчего-то он ей доверился. Она была девчонкой, которых дёргают за косы и обзывают, но короткая, почти мальчишеская стрижка и жёсткая реакция на неприятные фразы и действия заставляли относиться к Сенджи с уважением. Страх тоже оставался, но о нём Вилле не думал.

Сенджи оттолкнулась веслом от стены и направила лодку вперёд. Тусклый свет на носу постепенно, маленькими шажками, выделял из мрака уходящее вдаль узкое ложе воды и низкие заплесневелые камни кладки. Звуки города стихли, зато стали слышны мерные удары капель о воду и собственное дыхание. Ощутимо похолодало.

– Это всё камень, – Сенджи поняла, отчего Вилле ёжится. – Он никогда не видит солнечных лучей, поэтому холодный.

Голос прозвучал гулко и громко – в подземном канале обитало эхо. И ещё что-то жило здесь, что-то стремительное, деловитое – оно подхватило и потащило лодку, помогая загребавшей воду Сенджи. Сначала неспешно, но всё ускоряясь.

– Течение, – удивлённо обнаружил Вилле. – Как на реке.

– Ага, – довольно сказала Сенджи. – Хотя это одновременно и помощь нам, и опасность. Надо следить, чтобы лодка не билась о стены бортом, иначе может дать течь. Но скоро будет чуть проще – канал расширится.

Скоро появился и ветер. Сначала он повеял слева, из такого же круглого жерла, в который вплыла их лодка. Оно возникло в стене и пропало, блеснув маслянистой водой – какой-то ещё один сток. Затем подул в лицо, но противоборствовать с течением не мог, так как был слаб для этого. Каменные стены отодвинулись, мокрый плесневелый свод поднялся – теперь здесь могли бы проплыть две лодки. Вилле распрямил плечи. Было по-прежнему холодно, но уже не так тесно, и, кажется, мрак немного рассеялся. Причиной был не фонарь – где-то впереди находился источник света. Вилле выпросил у Сенджи разрешение погрести вторым веслом.

– Ты часто здесь плаваешь?

– Время от времени, – сказала Сенджи.

– А для чего? И куда?

– Делать мне нечего, вот и катаюсь.

– Сенджи, – укоризненно произнёс Вилле. – Ты же обещала мне рассказать.

– Про себя я не обещала ничего.

– А я-то тебе рассказал.

– Ну и что? – спокойно сказала Сенджи. – Я тебя к тому не принуждала.

Вилле вздохнул и почесал нос. Сенджи была права.

– К тому же, ты рассказал не всё, – продолжила Сенджи. – Только про родителей. Если хочешь откровенность в ответ, придётся делиться подробней.

– А ты не выбросишь меня из лодки? – спросил Вилле.

– Отчего это я должна? – удивилась спутница.

– Ну, – Вилле замялся. – По разным причинам...

Он не мог назвать все эти причины точно, но инстинктивно ощущал, что его происхождение может Сенджи не понравиться. Мысленно продолжая считать её хоть как-то, но относящейся к комитету защитников дикарей-южан, Вилле вполне справедливо думал, что должность его дедушки и связь того, как наместника, с гвардейцами вызовет у Сенджи неудовольствие.

– От зависти, что ли? – спросила Сенджи. – Брось, я не завистливая. Все эти ваши дворцы и прислуга... Я другое люблю – свободу.

– И я люблю, – тихо сказал Вилле. – Только мне к свободе приходится убегать. Вот сегодня я сбежал с уроков. Наверное, как вернусь, опять отправят на конюшню.

– Жить, что ли? Я думала, богатеи детей не наказывают.

– Работать, ухаживать за лошадьми. Но это я тоже люблю, так что конюшни – и не наказание... Во всяком случае, не такое ужасное, как полагает мой наставник. Старина Жан-Жак родом из метрополии: он думает, что для отпрыска аристократических родов нет ничего отвратительнее грязной крестьянской работы.

– А ты, значит, другого мнения, – произнесла Сенджи с одобрением. – Ну, и за что же мне тогда швырять тебя в воду?

– Может быть, за то, что мой дедушка – военный наместник, мой друг Марк – гвардеец, и я сам стану гвардейцем, когда вырасту.

– О, – сказала Сенджи.

Больше она не произнесла ничего, и минут пять, а, возможно, десять лодка плыла в молчании. Огонёк свечи подрагивал в своём стеклянном панцире. Вилле загрустил – начавшаяся было зарождаться дружба угрожала сойти к неприязненной отстранённости. И ничегошеньки теперь Сенджи ему не расскажет. Действительно, он полный кретин – мог бы что-нибудь соврать. Света стало больше, Вилле ясней видел стены, а в черноте маслянистой воды появились наружные, солнечные зеленоватые отблески. И, когда подземный сток вдруг выплеснулся в широченный, будто тронный зал, всю грусть как ударом вышибло – так здесь было красиво.

Лодка замедлила ход, попав в спокойную, перекрещенную жёлтыми лучами воду. Сенджи сзади деятельно загребла веслом. Вилле завертел головой. Он опасался глядеть на Сенджи, поэтому глядел на стены, из которых то тут, то там выходили в зал жерла стоков. Иные оказывались заперты за приваренными к камню прутьями, а два или три, как Вилле заметил, были наполовину и больше забраны каменной кладкой. Ещё несколько, заделанные целиком, – так, что само наличие когда-то существовавшего стока можно было заметить лишь вблизи, по излишней густоте цемента и другому цвету камней – навели его на мысль, что неведомые строители подземных стоков, наверное, допускали ошибки, когда проектировали, и позже с бранью исправляли. Треугольные своды, тёмные, мшистые, мрачные и торжественные, как в каком-нибудь горном замке, уходили высоко вверх. Не так высоко, если вдуматься, но путешествие по низкому и узкому стоку заставляло сравнивать с ним. То, что потолок зала и прямоугольные, длинные, заштрихованные плотной решёткой отверстия в нём, сквозь которые сочился свет, являются всего-навсего изнанкой небольшой площади с фонтаном, которая располагалась перед ботаническим садом, и ливневыми канавами, Вилле понял не сразу. А когда

понял, то обмер от восторга: всё это время у людей под ногами находился подземный дворец! И он, бывало, прогуливался здесь, и как-то уронил сквозь решётку монетку, но ему никогда не приходило в голову нагнуться к углублению ливневой канавки и посмотреть, что скрывается за ней.

Интересно, есть ли отсюда выход на поверхность?

Нос лодки с фонарём-свечой на нём нацелился в одно из круглых жерл на противоположной стене. Снова в холод и темноту – Вилле вздохнул.

– А я всё думала, на кого ты похож, – задумчиво проговорила Сенджи, когда лодка, покинув пространство зала, целиком скрылась в стоке. Вилле вздрогнул. – Как будто видела раньше, но отчего-то не узнаю. Нет, ну надо же: тот высокий старик в мундире и с саблей, который...

Она не закончила, будто проглотив окончание фразы. Вилле обернулся и увидел, что Сенджи, положив на колени весло, сгорбилась и уставилась неживым взглядом на свои ботинки. Она выглядела огорошенной, но не неприятно, не разочарованно и не гадливо – страшно. Словно в том, что Вилле – внук своего деда, было нечто больное, жуткое, противоестественное.

– Сенджи, прости, – начал было Вилле, понимая лишь то, что из-за него она вспомнила что-то нехорошее, но она прервала его. Не поднимая головы, Сенджи произнесла глухим голосом:

– Должно быть, это – фатум.

– А?

– Судьба. Наша встреча – судьба. Вилле, ты правильно сделал, когда, увидев меня на набережной, решил догнать, а после прыгнул в лодку, а я правильно сделала, когда взяла тебя с собой. Я считала, что ты просто бездельник, сын какого-нибудь городского чинуши или торговца-богатея, но бездельник с живым умом и готовностью слушать, и это привлекло меня в тебе, а ещё твоё... старомодное рыцарство, что ли, наивная храбрость и доброта – на фабричных улицах, где каждый сам за себя, такого не водится. И я решила рассказать тебе то, чем ты так заинтересовался, рассчитывая – или хотя бы надеясь – поселить в открытом, сомневающимся, а не косном и тупо уверенном, как у многих, уме почву для размышлений... но теперь я вижу, что не рассказать тебе было бы преступлением. И, возможно, не одна я должна это сделать, может, мне надо сводить тебя к остальным – если не забоишься, конечно... Потому что ты, Вилле, похоже, наша единственная, внезапно сама пришедшая в руки надежда в облике человека.

Вилле прерывисто выдохнул. Речь Сенджи пришибла его и уже слегка напугала. Течение стока неумолимо повлекло лодку вперёд. Он внезапно почувствовал себя маленьким и беспомощным, как тогда, когда его отправили в конюшни в первый раз. Десятилетний, ещё ничего не умеющий, провинившийся в том, что умял в один рот на кухне почти все медовые пирожные, приготовленные к вечернему чаепитию для какого-то важного гостя, Вилле, которого Жан-Жак на этот раз и навсегда посчитал слишком взрослым для розог, растерянно замер при виде длинного ряда пустых стойл, откуда ему было велено выгребать прелую, смешанную с навозом солому. Грабли в руке ощущались неподъёмной тяжестью, в нос бил острый, грубый животный запах мочи и пота, было жарко, странно, страшно, некомфортно и неприятно, а Жан-Жак, наблюдающий издали (свой громадный знаменитый нос он зажал платком), казался удовлетворённым тем, что увидел. Он ушёл, кликнув слуг и приказав им не вмешиваться. Но те не послушались. Кто-то из них вытер Вилле выступившие от обиды жгучие слёзы, кто-то приобнял за плечи и погладил по голове, кто-то угостил яблоком, а потом Вилле подвели в стоящем в самом дальнем стойле старому слепому жеребцу, которого уже не для кого не седлали, и деликатно отступили на пару шагов, чтобы мальчик и конь познакомились. Слепой жеребец доверчиво ткнулся мордой Вилле в щёку. Он почуял яблоко, и Вилле отдал его коню и смотрел, как тот хрустит, и улыбался. Конь был тёплым, живым, он смешно и щекотно

дунул Вилле в ухо, когда обнюхивал, а теперь так аппетитно жевал спелый фрукт и выглядел настолько довольным – довольным жизнью, несмотря на то, что был и стар, и сед, и слеп, что поневоле становилось стыдно за свои сопли. Вилле гладил его между ушей и успокаивался. Слуги тоже принесли грабли, и он, возмущённо и весело отвергнув предложенную ему возможность просто тихонько посидеть в уголке, стал работать вместе с ними – скоро должны были вернуться отдежурившие в городе конные гвардейцы, которые оставляли лошадей в конюшнях резиденции наместника и отправлялись в находящиеся по соседству казармы. Запах уже не казался Вилле таким резким и чужеродным. Это был запах живых существ, верных спутников человека, которые носили его у себя на спине и возили, запряжённые в фургон или телегу, еду для него, топливо, вещи, катали детей. А взамен человек о них заботился – мыл, поил, кормил, лечил, чистил скребком, менял подковы и соломенную подстилку. Взаимопомощь, сотрудничество, своеобразный обмен. Дружественный обмен. Тёплое дыхание у себя на ладони. Что-то тем вечером проросло в Вилле, зароненное, словно семечко, в тот момент, когда старый конь взял яблоко у него из рук. Мальчик полюбил бывать на конюшне. Он убирал солому, расчесывал лошадям гривы, помогал их мыть, выводил на прогулку слепого жеребца, с которым крепко сдружился и для которого всегда носил яблоки, раскладывал в лоханки болтушку из овса и слушал истории слуг. Жан-Жак полагал, что Вилле наказан – тот же ощущал радостное единение. Это чувство – дружба, симпатия, оформившаяся или оформляющаяся привязанность – возникало у него и к людям. Слуги на конюшне, Марк, Анри, дедушка, конечно же... Тот уехавший на трамвае конопатый. Семья мастерового. Сенджи. Сенджи, почти ровесница, с которой можно было бы так здорово болтать обо всём, что сопутствует возрасту, и пусть она при этом – девчонка... А теперь она говорит ему что-то пугающее. Что-то очень взрослое, чего Вилле не понимает. Что означает «надежда»? Он нужен комитету?

– Кто ты, Сенджи?

Она посмотрела на него поблёскивающими в полумраке глазами. Ни недовольства, ни злости, ни презрения, а та самая надежда, почти отчаянная – и это девочка, что, прижав его к стене, разъяренно грозила ножом?

«Коллаборационисты», – вспомнил Вилле.

Не далёкий комитет в Совете, заседающем в метрополии, а лояльные дикарям из-за Стены горожане-предатели. Те, что укрывают их в своих домах, снабжают оружием и планами городских застроек. Те, что имеют с беспорядков и пожаров свою чёрную денежную выгоду. Или же просто... идейные, сумасшедшие, повернутые, гораздо страшнее в своём безумстве всех комитетчиков, вместе взятых, потому что комитет ведь в метрополии, а город и горожане – вот они, рядом... Главная проблема жандармерии. Нет, коллаборационистов периодически ловят и успешно сажают в тюрьмы, но у них, говорил дедушка, очень сильна агитация. Не говорил только, в чём она проявляется. Неужели в том, что Вилле только что услышал...

– Если ты из коллаборационистов, то ничего не выйдет, – набравшись храбрости, заявил Вилле. – Проще тогда тебе взять и ткнуть меня ножом. Быть предателем я не согласен.

Сенджи, не отрывая от него взгляда, медленно потянулась рукой под плащ. Вилле приготовился... к чему – прыгнуть на неё, прыгнуть в воду? Но вместо своего ножа Сенджи достала ключ.

– Решётка, – тихо сказала она. – Нужно открыть.

Вилле обернулся и увидел, что этот подземный сток заканчивается тем же, чем начался тот, в который они заплыли: круглым зевом решётки, сквозь которую струится свет и тёплый летний воздух. За решёткой колыхались воды второго канала. Кнутом стегнула мысль: зачем же он отвернулся, она сейчас его... Сенджи молча вложила ключ ему в руку и стала притормаживать, опустив весло в воду, но течение и без того практически замерло. Лодка мягко ткнулась носом в порыжелые прутья.

– А когда плыву назад в предместья, приходится только и делать, что сидеть на вёслах. Течение – друг лишь в одну сторону.

– Угу, – неловко буркнул Вилле.

Он возился с замком, всё больше ощущая нелепость ситуации. Мирно и спокойно попросив Вилле выглянуть и посмотреть, нет ли поблизости лодок, Сенджи вывела их серое суденышко в канал, забрала ключ, повесила замок на место и огляделась – вдалеке шли, вспенивая воду и выбрасывая клубы пара, две прогулочные яхты под бесполезными сейчас, при безветрии, яркими малиновыми парусами. Богатые дворцы по обе стороны канала бросали на зелёную воду белые, розовые и сиреневые пятна отражений. Где-то рокочуще зашумели винты – дежурный дирижабль жандармерии выходил из дрейфа в воздушных потоках, меняя или корректируя квадрат наблюдений. Второй канал был уже, и Вилле без труда мог рассмотреть тёмные подтёки на мраморе противоположной стены. И очередную решётку, тоже как раз напротив. Судя по расположению солнца, заливавшего округлые ротонды, было почти одиннадцать, и к началу карнавала Вилле уже не успевал. Но это его больше не беспокоило. Он вновь представил на своём месте дедушку.

Как бы тот поступил?

Постарался бы войти к коллаборационистам в доверие, чтобы накрыть потом одним махом как можно больше предателей – вот так. Не упустил бы шанс.

– Я тебе не враг, Вилле, – произнесла Сенджи. – Но то, что ты сомневаешься, не обижает меня. Тебе, как и всем здесь, навешали отборной лапши. Однако ты сказал, что хочешь знать. Ты всё ещё этого хочешь? А то – вон парапёт и ступеньки...

– Так и отпустишь надежду? – неуклюже пошутил Вилле.

– Насильно быть надеждой не заставишь, – ответила Сенджи. Она сделала один скупой гребок по направлению к парапету. Ей, Вилле видел, отчаянно не хотелось туда направляться.

– Нет, стой! – он опустил в воду второе весло. – Я всё ещё хочу знать, Сенджи.

Подружиться и сдать – всё то же предательство. Наверное, Сенджи поняла, о чём размышляет сейчас её спутник, или мысленно поставила себя на место Вилле, чтобы представить, как бы сама распорядилась внезапно полученным знанием и знакомством с такой странной личностью, как она. Поставила, представила, почувствовала, что Вилле будет готов открыть всё наместнику. И покачала головой.

– Вилле... Мне нечем заставить тебя поклясться мне, что ты ничего не расскажешь дедушке. Тыкать в тебя ножом я больше не хочу. Не хочу ни запугивать, ни угрожать, потому что это подло и низко: вынуждать стать надеждой силой. Я могу лишь понадеяться на твою доброту. Я её уже видела, я знаю, что ты ей обладаешь. Поможешь слабому... не причинишь вреда. У меня есть нож, я умею драться и быстро бегать, но сейчас я слабая, Вилле, потому что готовлюсь доверить тебе большую и болезненную тайну. Дело ещё и в том, что мне нечем подтвердить мои слова. Будь ты просто заинтересовавшимся мальчишкой, ты мог бы отмахнуться от услышанного, и это не причинило бы мне такой боли и горечи, как случилось бы, если бы над моим рассказом посмеялся внук наместника. Нет, нет, про смех – это образно, я поняла, что ты не будешь, – Сенджи чуть улыбнулась в ответ на возмущённое лицо Вилле. – Разве что подтверждением стало бы то, что я отвела бы тебя за Стену.

Он бы рухнул, где стоял, если бы всё это время не сидел на лавке, поэтому только глуповато уставился в яркие глаза Сенджи. Жёлтые блики горели на воде вокруг лодки. Пахло илом и цветущими акациями.

– Да, отвела бы, – продолжила Сенджи. – Но это может быть опасно для тебя. А я знаю теперь, что не могу тебя лишиться. Не имею права. Поэтому я должна посоветоваться с тем, кто старше и умней.

– И... кто этот человек?

– Его зовут Хоурмен. Он хороший, он тебе понравится. С утра он тоже собирался на праздник, потому что торгует с лотка свежей выпечкой. Хоурмен – повар, пекарь... А самое главное – друг. Он мудрый, много знает и видел, поэтому сможет объяснить тебе то, что не до конца понимаю я.

– Например? – спросил Вилле. Он всё ещё плоховато соображал после сказанных слов о Стене.

Сенджи, сжав губы, опустила глаза.

– Например, зачем сбрасывать «летучий огонь» на людей, которые любят друг друга, – жёстко сказала она и стремительными гребками повела лодку вперёд. – Об этом меня не спрашивай. И теперь можешь помочь. Греби сильнее – нам лучше бы поторопиться.

У противоположной стены Вилле уже привычно отпер решётку, снова вымазавшись в ржавой слизи, но едва ли заметил это – ему было страшно. Даже тот интересный факт, что один-единственный ключ, похоже, подходит ко всем решёткам каналов (или не ко всем?), задел сознание лишь краешком. Лодка всплыла под свод, Сенджи затворила решётку, навесила замок и отдала Вилле ключ. Они вовремя забрались в сток – на зелёную воду канала снаружи металлических прутьев легла тень дирижабля. «Лучше не обращать на себя чрезмерного внимания жандармов», – сказала Сенджи, и Вилле был с ней согласен. Они вдвоём повели лодку, потому что сток здесь с самого начала был шире. В нём даже что-то росло – бледное, тонкое, колыхающееся под слоем тёмной воды, похожее на анемичные руки, которые цеплялись за вёсла и днище. Вилле вспомнил, как Марк учил его грести на реке, а потом показал очень красивую заводь с кувшинками. Марк даже нырнул, пытаясь сорвать одну, но стебли у кувшинок были очень прочные, и для того, чтобы сорвать, потребовался бы нож. Что бы Марк сказал про эти стоки? И смог бы он нырнуть на дно канала, если бы, как Сенджи, уронил случайно ключ...

– Тут кто-нибудь водится? – спросил Вилле. – В смысле – рыба...

– Я видела в стоках водяных змей, – сказала Сенджи. – Но и рыба, наверное, заплывает из реки.

– Бр-р, – Вилле вздрогнул. – И ты ныряла за ключом по соседству со змеями?

– Они не ядовитые. Хотя одна как-то меня цапнула.

– И что с тобой потом было? – в ужасе спросил Вилле.

– Ничего, – пожала плечами Сенджи. – Разве что я стала змеиным оборотнем, но сама не знаю об этом.

– Жуть, – сказал Вилле. – Я, пожалуй, не буду с тобой ссориться.

– Правильно, – хихикнула Сенджи.

Огонек освещал им дорогу сквозь заляпанное стекло, опять появилось течение, и за мерными движениями вёсел Сенджи начала свой рассказ. Вилле сел вполоборота, чтобы видеть её лицо, пусть и наполовину утопленное в сумраке. Но заговорила Сенджи отчего-то не о дикарях и не о каком-то «летучем огне», а о том, как хорошо бы было, если бы на судьбу человека не влияли ни место его рождения, ни благосостояние семьи, ни оттенок кожи.

– Хоурмен однажды поделился со мной своим предположением о будущем. Он говорил, что за нашим веком пара, может, спустя ещё один век или два, придёт гораздо более технологичный, и не только в отношении механизмов, машин – в отношении науки в целом, в том числе и медицины. Научатся заменять больные органы... отсутствующие конечности... уничтожат ту гадость, которая вызывает северный мор – ну, микроба, живущего в слюне снежных блох... И люди тогда будут рождаться по-другому – не истязая своих матерей. С изначально отличным здоровьем... без каких-либо наследственных изъянов... привитые от всех болезней ещё до того, как появились на свет. И, что самое главное, – Сенджи смешно сморщила нос, стараясь точь-в-точь воспроизвести услышанные взрослые слова, – без расовых, социальных и национальных предубеждений. Это им тоже привьют до рождения.

– Как?

– Так, как от болезней – уколом.

Вилле, представив, как какой-то врач уколол бы его маму в живот, передёрнул плечами.

– Но женщинам... мамам... наверное, будет не очень приятно.

– А вот здесь, – Сенджи важно подняла указательный палец. – Следует добавить то, что, по словам Хоурмена, матери вообще не почувствуют никаких неудобств. Потому что их дети все девять месяцев будут выращиваться в пробирках.

– Где-где? – Вилле удивлённо открыл рот. – В пробирках? Как я на уроках химической науки выращивал кристаллы купороса?

– Вроде того, – Сенджи, довольная произведённым эффектом, ухмыльнулась.

– Но это что же получится – искусственные люди?

– Почему? Самые настоящие. Только выросшие не в животе.

– Сенджи, это же жутко.

– Это не жутко, а будущее. То есть, возможное будущее.

– Я бы так не хотел, – произнёс Вилле.

– Почему? – теперь Сенджи удивилась. – Ты же видишь, сколько здесь хорошего для всех.

– Не знаю, – он и правда не мог сказать. – Страшно... Как гомункулы...

– А то, что при родах столько детей умирает, да ещё и матерей – не страшно?

– Ну, это... я просто никогда особо не задумывался. Страшно, наверное, но ведь, если все из пробирок будут, здоровые такие, крепкие, добрые – то мир же лопнет от перенаселения!

– И что, – безмятежно сказала Сенджи. – Раз все будут добрые и никто не станет использовать другого только потому, что у него тёмная кожа или он появился на свет в бедной стране, то миру ничего не грозит. Заживут, друг другу помогая и не ссорясь. Отправятся открывать новые земли, которые можно было бы заселить. Вон, Луну, например. Построят к тому времени дирижабли, способные летать так высоко.

– Луна – это выдумки похлеще, чем про людей в пробирках, – не согласился Вилле. – Так высоко в небе нечем дышать.

– Ты там был? – спросила Сенджи.

– Нет. Но я знаю! Меня учил Жан-Жак, а старина Большой Носище – доктор наук, между прочим...

– Наука не стоит на месте, – нравоучительно произнесла Сенджи. – И даже большие носы должны будут гнаться за ней и переучиваться, если захотят остаться докторами.

«За такие слова Жан-Жак вытянул бы меня розгами», – подумал Вилле. А вслух произнёс:

– Для старого Жан-Жака это будет очень большим переживанием. Он даже может облысеть на нервной почве. А, впрочем, он не доживёт... Как и мы с тобой.

– Некоторые люди живут по сто лет, – возразила Сенджи.

– А ты бы хотела так?

Сенджи поразмышляла.

– Да. Но только если можно было бы не стареть.

– А те люди будущего, про которых рассказывал тебе Хоурмен? – поинтересовался Вилле. – Они должны будут стареть или как?

– Он не уточнил, – вздохнула Сенджи. – Надо будет его расспросить. Он вообще говорит иногда очень любопытные вещи – будто рассказывает волшебные сказки. О том, как люди плавают в дирижаблях под водой или болтают друг с другом с помощью зеркал. Или как один учёный попадает в далёкое прошлое, во времена, когда не было ещё никаких стран и правителей, а были дикие племена, ведущие постоянные войны, и объединяет их, создавая первое государство, и строит города и дороги, и учит людей всему, что знает сам, и становится их королём... Хоурмену следовало бы податься в сочинители или изобретатели, но он слишком

любит готовить – когда был моложе, держал ресторан, а сейчас у него маленькая пекарня. Такие вкусные рогалики печет... И пироги. Пальцы съешь!

– Я куплю у него что-нибудь, – Вилле воодушевился. – Нам с тобой, и домой возьму.

– Друзей он угощает бесплатно. Я его друг, а ты теперь – мой, так что...

Вилле густо покраснел, надеясь, что в сумраке подземного стока этого не видно. Даже стало жарко ушам, а то ухо, что было ушибленным, и вовсе будто вспыхнуло по второму разу. Сенджи смотрела куда-то мимо него и улыбалась каменным стенам. Всё же заметила? Или нет? Час от зазубренного ножа, наставленного в глаз, до слова «друг». Сегодня и правда необыкновенный день.

– Хотя я не спросила тебя, хочешь ли ты этого. Ну, то есть быть моим другом.

– Конечно же, хочу!

– Тогда нам полагается сейчас же пожать руки.

Вилле церемонно взял её маленькую жёсткую кисть и пожал, а потом, не удержавшись, приснул от смеха. Сенджи тоже хихикнула.

– Как какие-нибудь советники на званом ужине, – произнёс Вилле сквозь смех. – Только не хватает расшаркивания ножкой.

– Никогда не была за подобных мероприятий, – призналась Сенджи. – Но, мне кажется, я это представляю. Вот так вот, Вилле, мы теперь друзья... Осталось уточнить только, будет ли тебе удобно дружить с дикаркой из-за Стены.

Вилле непонимающе моргнул, не выпуская её тёплой руки.

– Какая же ты дикарка? У тебя светлые волосы и глаза. Сенджи, не шути так.

– А я и не шучу, – твёрдо и немного мрачно – куда делся смех? – сказала Сенджи. Она крепко сжала пальцы Вилле. – Я – из-за Стены.

– Ага, а я – воздухоплаватель-конструктор.

– Воздухоплавателем был мой отец, – сухо ответила Сенджи. – Вот, в общем-то, и причина, по которой я выгляжу так, как выгляжу.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Вилле тщетно пытался собрать мысли в кучку, не зная, как теперь продолжить разговор, – а что думала Сенджи, ему было совсем непонятно. Но глаза у неё были строгие. Ясные, яркие, голубые северные глаза.

– И как там, за Стеной? – спросил Вилле, потому что надо было хоть что-то сказать. – Очень жарко?

– Довольно-таки, – любезно ответила Сенджи. – Особенно, когда сверху падает «летучий огонь».

Она отняла свою руку и принялась загребать чёрную воду стока, по которой течение ровно несло их обшарпанную серую лодку. В кладке стен кое-где зияли углубления – камень обвалился от сырости. Вилле показалось, что в воде справа от лодки мелькнуло, вытянувшись, что-то длинное и блёкло-серебристое. Водоросли здесь уже не росли. Змея?

– Рассказывай дальше, – попросил он.

Сенджи коротко хмыкнула.

– Ты ведь не поверил.

– Не связывается, – признался ей Вилле, – твоя внешность и то, что я знаю о дикарях.

– А много ли ты знаешь вообще, как и большинство горожан, – сказала Сенджи будто бы сама себе. – Как и подданные королевства в целом... Ладно, Вилле, слушай.

Но продолжить она не успела, потому что впереди, в их несущемся навстречу третьему каналу стоке, ярко вспыхнул чужеродный свет. Не солнечные лучи, не свеча – круглый хищный прожектор-фонарь, с какими в тёмное время суток жандармы отлавливают ночной сброд: бродяг, воров, спекулянтов. Вилле охнул от рези в глазах и прикрыл их свободной рукой. Сенджи с испуганным стоном проклятия стала стопорить ход лодки веслом.

– Вилле! – хриплым полупшёпотом бросила она. – Помоги мне!

Он стёр с глаз болезненные слёзы и схватился за своё весло.

– Задувай скорее! Задувай свечку!

Подчиняясь панической команде и перепуганный сам, Вилле нагнулся к прорезям в стеклянной оболочке их импровизированного фонаря и задул огонек свечи. В нос ударил горелый запах фитиля, скрученного из пеньки. Сток, в отличие от каналов, не был глубоким, и Вилле легко достал до дна веслом. Он упёр его, как багор, и Сенджи сделала то же самое. Лодка остановилась. Течение быстро стремилось вдоль её бортов, с шорохом обглаживая и без того облезлую краску. Под жгучим светом, бьющим из глубины чёрного стока, обнажился бывший до того однородной и тёмной массой камень кладки: коричневатый, в мутных белёсых подтеках и бледно-зелёных пятнах плесени, освещенный участок свода и стен, тем не менее, отстоял от лодки метра на полтора. Серая посуда удачно замерла во мраке. Какие-то тени шарахнулись прочь от белых лучей, забиваясь в щели между камнями. Вилле испытал неуместный перед оком страшного света приступ почти домашней брезгливости: тени были похожи на огромных мокриц, более мелкие соплеменники которых обитали в чаше садового фонтана, того, что с трубным рогом, за что Вилле фонтан и не жаловал. Но свет не приближался, чтобы нащупать лодку. Он, напротив, вдруг свернул в сторону.

Сенджи позади облегчённо вздохнула. Теперь они сидели в полной тьме.

– Это на развилке, – прошептала она. – Где сходятся вместе два стока. По-моему, нас не заметили.

– Жандармы? – так же шёпотом спросил Вилле. – Что они тут делают?

– Нет, – ответила Сенджи. – Это не жандармы. Они сюда не суются.

– А кто – чистильщики?

– У чистильщиков на лодке стоит паровой движок. И стучит. Даже не стучит, а рычит, и сейчас я этого рычания не слышу. А ещё от любого чистильщика за милю воняет илом. И плавают они по две-три лодки разом. К тому же, я знаю график их работ, и сегодня, как и большинство честных трудяг, служащие очистной компании отдыхают, – голос Сенджи звучал сосредоточенно. – Знаю я и тех, у кого, как у меня, есть ключи от стоков. Но никто из них не собирался тут плавать в выходной день, да и прожектор этот... мы подобными не пользуемся – слишком демаскирует. Как раз перед такими вот и демаскирует... ох, проклятье.

– Сенджи? – испуганно позвал её Вилле, когда молчание, последовавшее за словами, затянулось. Было слышно лишь собственное затруднённое дыхание. Те, кто светили прожектором, исчезли, не издав не звука.

– Они не таились, потому что тоже знали о выходном у чистильщиков. Не повернули в наш сток, ушли вправо, потому что тоже плывут к третьему каналу. Ночные люди никогда не выходят из нор при свете дня. Это не ночные, не чистильщики, не мои друзья и не трусы-жандармы, которые умеют ходить только кучей и полны суеверий о чудовищах подземных вод. У меня есть лишь один ответ, кто это может быть. С полуофициальным полученным ключом и таким же полуофициальным разрешением плавать в стоках, конечно, кто же ещё...

– И? – Вилле всматривался в темноту.

– Королевские пропагандисты.

Кто? Вилле глубоко вдохнул холодный запах воды. Что-то она уже говорила, используя это грубое военное слово – «пропаганда». А, точно... Говорила, что пропагандисты будут что-то жечь. Сегодняшний карнавал. Неизвестные пропагандисты, а вовсе не дикари. Чушь первосортная. И наименование-то какое странное – «королевские пропагандисты». Будто королю необходимо, чтобы какие-то люди за него исподтишка утверждали его власть. Это всяческие бургомистры и мэры пытаются упрочить свои кожаные кресла, юля перед богатыми горожанами и теми, кто выше по статусу – губернаторами и тем же королем, а королю зачем, когда его существование никто не оспаривает...

Они выждали ещё минут десять.

– Возьми спички, – наконец протянула Сенджи знакомую коробочку. – Только аккуратно, не обожгись... Я подержу лодку.

– Думаешь, уже можно?

– Можно, – сказала Сенджи. – Они уплыли. Они тоже спешат... Но не на представление фокусников и акробатов глазеть, а устраивать своё собственное.

Голос у неё был горьким.

Разговор после неожиданной встречи с исчезнувшими во мраке неизвестными людьми, которых Сенджи назвала пропагандистами, не заладился. Вилле почувствовал, какую нервность поселила эта встреча в Сенджи: как только он снова запалил толстый фитиль и прикрыл стеклянную дверцу, Сенджи велела ему грести, и побыстрее. Говорила она жёстко и отрывисто. Подхваченная течением и подгоняемая сильными гребками, лодка устремилась вперед и скоро достигла развилки, где соединялись два стока-рукава, образуя третий – узкий, тесный и капающий за шиворот сочащейся с низкого свода влагой. Никакого в этот раз дворца с треугольными сводами, только холод от камня, плеск воды, запах плесени – и бледный, скупой, но, в отличие от прожектора, такой приятный для глаз огонёк свечи на носу, который подрагивал за стеклом.

На близкой каменной стене слева, почти у уровня воды, остались резкие по своей яркости жёлтые широкие полосы. Вилле первый обратил на них внимание.

– Краска, – Сенджи растёрла между пальцами сухие чешуйки и крошки. – Их лодка была тяжёло нагружена и потому неповоротлива – мазнула бортом стену. Вон там снова... Правильно, где им ещё перевозить то, что они возят – по поверхности, что ли, если на мосту какой-нибудь молодой и неосведомлённый гвардеец, досматривая груз, увидит взрывчатку и задержит их... а, всё едино их бы потом отпустили, когда кое-кто сверху дал бы команду. Но время бы они потеряли, это точно. А они ценят время, потому что делать всё по расписанию – тоже приказ. Только бы Хоурмен уже был там, на площади... Как ужасно всё получается, Вилле. Наверное, тебе в самом деле лучше вернуться домой.

– Ни за что, – не согласился Вилле. – Если эти люди в жёлтой лодке представляют угрозу, я обязан тебе помочь.

– Ещё как представляют, – произнесла Сенджи. – Утопила бы их прямо здесь, если бы могла. Но, заметь они нас, поступили бы с нами так же – им ни к чему свидетели. Я их боюсь, Вилле. И за тебя я боюсь. Утешает одно – до вечера ещё много времени.

– А если это не пропагандисты? Что же тогда – ложная тревога?

– Не ложная, – мрачно сказала Сенджи. – Даже если я ошибаюсь, и на жёлтой лодке плыл кто-то другой, пожар всё равно будет.

– Так надо действовать. Обратиться к гвардии. Ты же сказала, что они – неосведомлённые...

– Молодые дурачки вроде новопринятых – вот они неосведомлённые, – ответила Сенджи. Хотела сказать ещё что-то, уже шумно набрала воздуха в лёгкие, но запнулась и промолчала.

– А дедушка так некстати уехал, – с отчаянием продолжил Вилле. – Если бы я мог сказать ему... Он бы никогда не допустил!

Сенджи издала странный звук – не то подавленный смех, не то кашель. Вилле вдруг похолодел.

– Сенджи... Он что, знает?

Она не ответила.

– Эй...

– Не хочу тебя расстраивать, – наконец проговорила она. Впереди лодки мрак уже начал светлеть: они приближались к выходу в третий канал. – Но гвардия ведь тоже служит королю. Со всеми вытекающими последствиями.

– И что за последствия? – грубовато спросил Вилле. Ему не нравилось то, что пряталось за фразами Сенджи и за её молчанием, а в особенности – за задавленным звуком, который слишком очевидно означал одно. – Покрывать каких-то типов, якобы устраивающих поджоги?

– Именно.

– Что за чушь!

– Не чушь. Правда.

– Да зачем же королю запугивать и жечь свой собственный народ?!

– Чтобы спихнуть всё на живущих за Стеной. Чтобы у людей был враг, понимаешь?

– Нет, – Вилле яростно затряс головой. – Нет, не понимаю! Это – невозможно, то, что ты говоришь...

– А ведь я ещё толком ничего и не рассказала, – печально ответила Сенджи. – Да, с тобой будет сложно. Тебе будет сложно. Я всё-таки отведу тебя за Стену. Но не одна. Тебя нам надо беречь... Решётка, Вилле.

– Да вижу, вижу...

Решетка не была закрыта, напротив – приотворена. Зелёная вода последнего канала мирно плескалась снаружи. Сенджи произнесла удивлённое «что за...» и перегнулась через плечо Вилле.

– Замка нет, – сказал он, с трудом переключаясь со своих смятённых мыслей на то, что видел перед носом. – Так надо?

– Нет. Три дня назад он был. Ладно, – она вернулась на место. – Выбираемся, только осторожно. Посмотри, есть ли там кто-нибудь.

Вилле высунулся в щель между решёткой и полукруглым сводом, задев щекой склизкий камень и поморщившись. Солнечное тепло мягко коснулось лица. В любой жаркий день у воды хорошо, и Вилле, на несколько мгновений позволив себе это чувство, просто жмурился на залитые солнцем фасады и крыши дворцов, торчащие над ними аккуратную башню ратуши и обсерваторию, колокольни собора, гладкое полотно неба и застывшие в зное тёмные кипарисы. Потом огляделся, ища взглядом не столько праздно плавающих, сколько ту самую жёлтую лодку, оставившую на стенах стока свою краску.

– Пусто.

– Тогда открывай пошире.

Снаружи Сенджи, скептически осмотрев ржавые прутья, притворила решётку обратно.

– Спешили, возясь с замком, уронили его в воду, не стали заморачиваться этой проблемой и нырять за ним, – подвела итог она. – Никто из обычно пользующихся стоками не оставил бы вход открытым. Сдается мне, я не ошиблась.

– И что будем делать?

– Видишь причал? Где привязаны лодки чистильщиков? Правь туда. Быстрее, конечно, было бы добраться через сток, но мы пойдём пешком. Эти, на жёлтой, могли удалиться только под землю, иначе бы мы их увидели, хоть и издалека. Почти под самой площадью есть отворот в тупиковый рукав. Там тоже маленький причал и вертикальный колодец со скобами, по которым можно вылезти наружу, сдвинув железный люк. Очень удобно выводит прямо в заросли розовых кустов в заднем дворе старого музея. Мы мимо таких отворотов много раз проплыли, только ты не заметил, потому что не знал. Это я к тому, что, если поплывём в сток, рискуем с ними столкнуться. Свою тяжелую лодку они будут разгружать долго. А наш ящик придётся оставить, только бы его никто не стащил...

– А что там всё же лежит? – Вилле взялся за весло.

– Мука.

– Мука?

– Да, пшеничная мука. А ты про что думал?

Вилле улыбнулся.

– Что-нибудь таинственное. Необычное. То, что стоит того, чтобы тащить его, ломая себе спину и руки, по такой жаре...

– Фантазер, – тоже улыбнулась Сенджи. – Тут все прозаичнее – просто мука. Однако она очень нам нужна. Моему дому, который за Стеной. Надеюсь, я всё же смогу тебе его показать.

Их серая лодка, направляясь к причалу, проплыла мимо решётки на противоположной стороне – здесь замок висел. Он мокро блестел, будто его касались влажными от воды руками, и Вилле увидел ещё один жёлтый развод на внутренней темнеющей стене. Сенджи права: те люди воспользовались стоком. Должно быть, их лодка была не только перегружена, но и шире по габаритам, потому и задевала камень бортами. Но почему люди не озаботились тем, чтобы стереть за собой следы? Подведя лодку к длинному ряду пришвартованных посудин чистильщиков (у них и правда на корме располагалось громоздкое сооружение, напоминающее цилиндр с рычагами – движок), таких же серых и облезлых, Вилле выбрался на дощатый настил и неумело начал привязывать веревку к колышку. Грести-то он обучен был, а вот вязать узлы – не очень, и Сенджи, убрав фонарь с носа в мешок и прикрыв ящик с мукой грязной ветошью, валявшейся на дне лодки, вылезла тоже и помогла. Она не насмешничала и не язвила, напротив, доброжелательно показала, как завязывается самый простой морской узел, и Вилле подумал – «друзья», а потом – «дедушка», и ему стало очень тоскливо. Очень плохое было в словах Сенджи о том, что гвардия покрывает неких пропагандистов-поджигателей. Верить в подобное было страшно. Наверное, и в самом деле сначала следовало бы обратиться с Сенджи за Стену.

– Пойдём, – протянула она ему руку.

В путешествии по этим уютным стокам Вилле и забыл, какой город яркий и нарядный. Особенно яркий сегодня – весь в трепещущих на фонарных столбах лентах и гирляндах, в тёплом мраморе увитых зеленью дворцов, в разноцветном мельтешении толп. Прилегающие к главной площади улицы были запружены народом. Поднявшись по ступеням, выводящим на набережную, и миновав плотный ряд кипарисов, скамейки, фонари и клумбы, двое спутников влились в одну из таких человеческих рек – она начиналась на другой стороне проспекта и разделялась на ручейки и протоки, уходящие в переулки. Проспект не был перекрыт, как перекрывают во все праздники те улицы, что ближе к площади, поэтому пришлось подождать, пока у перехода, обозначенного столбиками, низкий кругленький жандарм-регулятор не просвистит в свой свисток и не замашет в яростном рвении жезлом, чтобы остановить фырчащие автомобили. Жандарм был в красной каске, а под ней совершенно лысым – это обнаружилось, когда, освободив для пешеходов путь, он снял каску и принялся утираться платком. Лысина сияла, как зеркало, и даже пускала солнечных зайчиков. Вилле шёпотом обратил на это внимание Сенджи, чтобы немного развеселить её и отвлечь от мыслей о жёлтой лодке, – чтобы и самому отвлечься – а жандарм, кажется, услышал и беззлобно, с улыбкой, погрозил им зажавшим мокрый платок кулаком. Добродушный толстяк – неужели они, городские стражи порядка, знают о том, кто на самом деле поджигает город, и не вмешиваются?

– Шароголовый мерзавец, – произнесла Сенджи, когда они отошли на приличное расстояние, будто давая ответ на невысказанный Вилле вопрос. – Видела я таких добреньких.

– Вполне мирный дядька, – вступился за жандарма Вилле. – К тому же, он просто регулятор.

– Для меня они все одинаковы. Свины в мундирах. Что жандармы, что гвардейцы. Не обижайся, Вилле.

– Да мне-то что, – улыбнулся он. – Мне ещё нет восемнадцати, и мой свинячий мундир не то, что не надет ни разу, – не намётан и не пошит. Вот через пять лет буду обижаться.

– Ты забавный, – сказала Сенджи. – Ты правда хочешь стать гвардейцем?

– Очень, – честно ответил ей Вилле.

Сенджи хмуро закусила губу.

– Наивный. Нет – блаженный. Хотя опять же нет: определённым образом воспитанный. В определённом окружении. Из таких гвардейцы и выходят. Мне бы не хотелось однажды стрелять в тебя.

Потом Сенджи, как понял Вилле, продолжила свой прерванный рассказ, потому что начала было говорить о каких-то гвардейских рейдах, но он предупреждающе дёрнул её за плащ – они уже находились в толпе. На самом деле ему не терпелось послушать, ведь, сколько бы он ни улыбался и ни шутил, было весьма огорчительно, что Сенджи так отрицательно отзывалась о гвардейцах. А ещё ему очень хотелось увидеть. «Пойдём за Стену сейчас, – хотел сказать он. – Покажи мне всё сегодня». Однако Сенджи уже дала ему понять, что боится за его жизнь. Наверное, небезосновательно.

Вилле вовремя это сделал – мимо прошествовали два гвардейца, один из которых обернулся и окинул Сенджи внимательным взглядом. Она замолкла, как проглотила язык. Даже побледнела под своим бронзовым, чуть шелушащимся загаром. Вилле испугался, но не за себя, а за неё, и громко сказал: «Дура ты, сестрёнка. У гвардейцев кокарды не заломленные. Сейчас попрошу того господина, чтобы он снял свою фуражку и показал, а потом ты получишь в лоб, потому что девка и дура. Куда тебе разбираться в мундирах, если ты даже не умеешь готовить». Гвардеец потерял к Сенджи интерес – но, отворачиваясь, поднёс руку к голове и потрогал свою кокарду, словно бы ища подтверждение, что она ровно такая, как с видом спесивого знатока утверждал Вилле. Глаза у гвардейца были въедливые, ледяные, очень светлые, похожие на замёрзшее молоко, и Вилле ощутил облегчение из-за того, что он больше на них не смотрит. Возникла мысль: северяне. Все гвардейцы – северяне. Почему в гвардию никогда не берут выходцев из южных краев?

Рука Сенджи нашла его ладонь и сжала. «Спасибо».

– Перепугалась, – прошептала она. – Что могла причинить тебе вред своими словами. Что они задержали бы нас двоих и... За себя-то я не боюсь, умею выкручиваться – а вот ты...

– Если бы меня узнали, безо всяких слов огрёб бы – сначала от наставника, потом от дедушки. За то, что прогулял занятия. А слова... мало ли, о чём болтают дети. Это не значит вообще ничего.

Вилле, говоря нарочито бодро и даже пренебрежительно, добился того, чтобы Сенджи улыбнулась.

Толпа текла и бурлила – шумные пёстрые дети, пожилые чинные пары, расфранченные молодые люди в модных узких брюках, прикрывающиеся от солнца ажурными зонтами женщины. Мраморные стены высоких дворцов просвечивали сквозь ковёр из остролистного винограда снежно-белым и розовым. Вертялая, мощёная булыжником пешеходная улочка забирала вверх – в центре город располагался на небольшом возвышении. Маленький питьевой неисправный фонтан плевался водой на углу – в натёкшей вокруг его чугунного основания луже плескались встрёпанные воробы, за которыми из куста бугенвиллии наблюдала кошка: видны были только чёрные уши и верхняя часть морды с напряженными охотничьим азартом глазами. Небо слепило. Оно было и небом, и морем, которое жарко накаtywало, вал за валом, но никуда не увлекало, и туго натянутой, как декорация, вымоченной в краске простыней. Далёкий дирижабль жандармерии казался приколотым к ней на булавку, как бабочка. Сенджи украдкой вытерла лоб.

– Я не могу без плаща, – предупредила она вопрос Вилле. – Потому что моя одежда меня выдаст. Ох... не собиралась я ни на какой карнавал, а собиралась сразу домой через стоки, иначе бы озаботилась тем, чтобы надеть что полегче.

Праздник уже начался, и они услышали музыку – грохот литавр, барабаны и флейты, а поверх звуков оркестра – ворчащий шум, какой издавали бы все вместе множество перемалываемых водой ракушек, дождь, ветер в водосточной трубе, пущенная задом наперед грампластинка, и иначе это ещё именовалось многотысячной толпой. Запахло жареным арахисом,

порохом от шутих, зверинцем. Сенджи радостно сказала: «Хоурмен» – учуяла, что ли, в этом диком смешении аромат его кондитерских изделий. Вилле тоже постарался почуять, но всё вдруг перебил горячий запах железа – где-то на площади то ли потехи ради, то ли выполняя в присутствии покупателя его заказ, ковал кузнец.

– Как мы найдём твоего пекаря? – спросил Вилле.

– Будем искать в торговых рядах и найдём. Только не разделяясь. Понял, Вилле?

– Ага, – сказал тот. – Слушаюсь. Сенджи, а мука – это от него?

Сенджи кивнула.

– Он оставляет её в разных местах... тайниках, и всякий раз тайник – другой, чтобы сложнее было выследить, – снова зашептала она. – Жандармы ведь знают, что в городе есть, как вы все называете, коллаборационисты. Знают и охотятся за ними. А между тем, ваши коллаборационисты – честнейшие люди. Без их помощи мы бы погибли.

Вилле поглубже вдохнул и запнулся. Сенджи понимающе взглянула на него.

– Тебе интересно, чем именно они нам помогают?

– Ну, да...

– Едой. Лекарствами. И, не буду скрывать, оружием. Ты ведь про оружие услышать хотел?

– Всё, Сенджи, – опять предупредил он, потому что всё так же боялся трусливой неприимавшей дрожи после слов о том, как это оружие применяется и из-за чего. – Потом, потом. И нет, не про оружие, а как раз про еду, муку... Знаешь, у меня дома огромная кладовая. Чего там только нет: и копчёные окорока, и овощи, и всякие заграничные сласти... Я просто хотел спросить, могу ли я этим помочь тебе. Таскать продукты из кладовой я умею с детства.

Сенджи рассмеялась.

– Спасибо, Вилле, я учту. Но пока не надо.

Их улочка, вильнув в последний раз, выплеснулась на площадь, прямо к задним, рассеянным рядам таких же новоприбывших, которые стремились пробиться вглубь толпы. Отсюда, с краю, и до самой ратуши – сияющей из-за яркого солнца своей зелёной черепичной верхушкой, будто только что покрашенной заново, – колыхалось плотное, но податливое и дружелюбное человеческое море. Квадратные часы на ратуше показывали половину двенадцатого. И сразу захватил привычный азарт: сорваться с места, броситься восторженно исследовать прилавки, тратить позванивающие в кармане монетки, выискивать среди весёлых лиц знакомые, смотреть на фокусников, шпагоглотателей, жёлтых львов в вагончиках разъездного зверинца – но рядом была Сенджи, и он пообещал, что они не разделятся.

– Веди, – потербил Вилле её за рукав.

Разноцветные шатры и деревянные лотки торговцев огибали площадь подковой. Пар, грохот, лязгающая механическая музыка заводных шкатулок, густое переплетение запахов съедобного и несъедобного, детские визги и возгласы клубились над ними, как осязаемые облака. Туда и направилась Сенджи, уверенно лавируя между людьми. Целеустремленная, как бронированный ледокол королевского флота, безжалостно наступающая на чужие мозоли и не слышащая возмущенных окриков, она оставляла за собой свободное, но быстро смыкающееся пространство, поэтому Вилле прибавил шагу. Но он не забывал при этом крутить головой и сразу же заметил в центре площади, у памятника первому королю, наряженному в честь карнавала в бумажный цветочный венок, главный помост, широкий, как сцена в Гранд-театре, блестящий россыпями конфетти и мельтешащий чёрно-розовыми пятнами – на сцене лихо отплясывали под безудержную, пьяную музыку расположившегося справа от помоста оркестра девушки-танцовщицы. Обтекающая помост толпа, главным образом мужчины, подбадривала девушек гиканьем и смехом. Ну, комедиантки в неудобно коротких нарядах, ну, весело пляшут – Вилле больше любил, когда выступали акробаты, на что Марк посмеивался: к определённым выступлениям отношение в разном возрасте тоже разное. Заметил Вилле и помосты поменьше – они располагались по бокам площади, удачно затенённые акациями, и окружены

были в основном детворой, которая с непосредственным восторгом внимала клоунам и факирам, повелителям огня и заклинателям змей. По аллеям под теми же акациями неспешно бродили верблюды и пони с седоками на спине. Там был и слон, – Вилле слышал, как тот трубил – но его скрывала густая листва высоких и ухоженных деревьев. Глухо рычали львы или тигры. Где-то здесь должен быть и Анри с его маленькой дочерью, и то семейство мастерового, с которым Вилле шёл через мост, и ещё добрая дюжина всяких деревенских знакомцев – и где-то здесь так и не увиденные люди, управлявшие жёлтой лодкой, готовили что-то плохое. Одолело желание – растолкав всех, взобраться на помост и громко закричать, что оставаться на площади опасно. Но ведь все и так были предупреждены, потому что надпись на стене фабрики...

– Сенджи... погоди, Сенджи, – запыхавшийся Вилле, перешедший к тому времени на бег, наконец догнал голубовато-пепельный плащ и вцепился в развевающуюся полу. – Ты же правда могла перепутать, да? Ну, что это не пропагандисты. В лодке. Мало ли...

Она остановилась и посмотрела на него сочувственно.

– Да. Вполне могла, – произнесла она, а Вилле грустно подумал, что Сенджи просто его утешает. – Но что это меняет? Я уже сказала, что пожар был обещан, и если ты сейчас беспокоен судьбой людей – то напрасно. Они всё знают. Другое дело, что люди отчаянные... Кто-то не верит, а кто-то считает, что обойдётся, да ещё и наличие здесь жандармерии и гвардейцев... успокаивает их, что ли.

– А может быть такое, что почему-то этот пожар всё же не случится?

Сенджи вздохнула.

– Если рассматривать угрозу не дословно... Ну, например, вместо большого огня кто-то из жандармов показательно поймает в толпе одного-другого загримированного якобы дикаря, да ещё и со взрывчаткой. И его на глазах у честного народа усадят за решётчатые окна жандармского автомобиля и под улюлюканье красиво увезут в якобы участок на допрос... отчего бы и нет? Не знаю, Вилле. Но жизнь за Стеной научила меня в первую очередь думать о самом плохом. Поэтому я и буду думать о настоящем пожаре с пламенем и паникой. Остерегаешься – целее будешь. Если всё же окажется, что я ошиблась – что же, все от этого только выиграют, и я в том числе, верно?

Вилле кивнул – в выводах Сенджи была вполне ясная логика.

– Люди любят развлечения, – продолжила Сенджи и указала на торговые палатки. – Дешёвую выпивку, которая бесплатна после пятого стакана... правда, то, что после пятого стакана они уже еле стоят на ногах и ничего не соображают, являясь отличной добычей для карманников, люди предпочитают не понимать. Жирную и сладкую еду. Не очень пристойные конкурсы. Дрыгающих голыми ногами танцовщиц, к которым, разумеется, ручки не протянешь, потому что по рукам надаёт жандарм, но зато руки можно протянуть к другим, которые к вечеру вылезут – ну, ты представляешь, о ком речь... Довольные дети ещё две недели не будут канючить и ныть. Довольные женщины купят всякой чуши и наслушаются комплиментов от торговцев. А те сделают сегодня месячную выручку. Карнавал для всех хорош. Почти для всех.

– Ты такие мероприятия не любишь, – сказал Вилле.

– Не люблю, – согласилась Сенджи. – За Стеной я покажу тебе, почему. А сейчас пойдём быстрее – кажется, это вон тот вот навес...

Они миновали палатку, где на вращающейся вокруг своей оси подставке горели разноцветной сладостью прозрачные и яркие, как драгоценные камни, леденцы на палочках, оккупированную детьми так плотно, что удивительно было, как это они ещё не снесли всю витрину; пышущий паром агрегат из стекла и железа, в округлой чаше которого продавец возил длинным деревянным черенком, наматывая очередную порцию сахарной ваты; широкий наклонный лоток с похожими на пчелиные соты ячейками, где лежали конфеты; огромную дубовую бочку-прицеп, с которой продавали барбарисовую шипучку. У бочки Вилле задержался

и купил два стакана шипучки – тёмно-красная пузырчатая жидкость мигом обожгла руки холодом сквозь ставший влажным от конденсата картон. Сенджи от угощения не отказалась – было жарко. Сняв пустые картонные стаканчики и выбросив их в урну, Вилле мимоходом пожалел о том, сколько северного леса уходит на такие вот одноразовые стаканы, но Сенджи снова сказала: «Пойдём» и стремительно зашагала вперёд – как Вилле уже увидел, к белому холщовому навесу, на котором были изображены, как герб какого-нибудь эксцентричного дворянина, калач и перекрещенные рогаики.

– Хоурмен! – позвала Сенджи человека за прилавком, который стоял к ним спиной.

Человек был немолод – пышные, забавно всклокоченные седые волосы, очки с толстыми стёклами, нос в красных прожилках и морщины, разбегающиеся от улыбки. Он узнал Сенджи и радостно кивнул, вытирая испачканные то ли мукой, то ли сахарной пудрой ладони о полотенце. От корзинок на прилавке шел пряный тёплый запах. Вилле показалось, что за спиной человека он увидел маленький разборный столик, где стояли такие же корзины, только накрытые тканью, и даже угольную слабосильную печку из тех, что, как ручную тележку, возят с собой на ярмарку все продающие уже готовую выпечку и супы лоточники. Для приготовления еды на месте требуется что посерьёзней. Вот только мало кто будет покупать горячие сдобы в такой жаркий день. Может быть, вечером... Но тут же, на глазах Вилле, сперва один, а затем ещё трое празднично разряженных гуляк разобрали по кусочкам яблочный пирог со сливками, а потом стихийно возникла и так же стихийно схлынула очередь из болтающих мальчишек, унесшая с собой почти все коржи с мёдом. Жара, похоже, аппетиту не помеха. Во всяком случае, у тех, кто не успел позавтракать дома – и в ответ на все запахи живот Вилле заурчал не хуже пресловутого льва. Завтраки Вилле всегда игнорировал, просто пил чай или воду, но это он ещё и подражал дедушке, сам того не осознавая – или, возможно, это у них было семейное, не столько привычка, сколько определённая потребность организма, точнее, её отсутствие. Жан-Жак твердил, что не завтракать – вредно, Марк говорил, что это просто грустно, но Вилле, как и дедушка, предпочитал лучше плотный обед и такой же насыщенный ужин. Потолстеть им обоим не грозило – тоже семейное. Однако сейчас вдруг очень захотелось есть.

– Здравствуй, хулиганка, – добродушно сказал Хоурмен подошедшей Сенджи. – А этот скромный молодой человек – с тобой? Он выводит животом такие рулады, что королевский оркестр умер бы от зависти, не говоря уже об этих фальшивящих бездарях там, у помоста... С чем бы вы ни пришли, я рад вас видеть. Вот, возьмите-ка по рогаику, или по куску пирога, или мясную закрутку... Проходите, садитесь, тут у меня как раз две табуретки. Только осторожней – печка.

Хоурмен говорил мягко и как-то напевно, а напоминал собой совсем не пекаря – учителя. Не зануду вроде сухаря Жан-Жака, а мудрого и доброго преподавателя. Даже не из-за толстых очков и седой шевелюры – из-за общей манеры держаться. Интеллигентной, выдающей вовсе не ремесленное образование, и оттого, вкупе с большим различием в возрасте, фамильярное обращение Сенджи к нему казалось неуместным. Однако по пекарю не было видно, что он недоволен или ему неприятно. Пропустив гостей под свой навес-шатёр, он с гостеприимной готовностью сгрёб с одной из складных табуреток коробку с салфетками, с другой – поднос с бутылочками с сиропом, переместил их на стол и отвлекся, чтобы взять кондитерскими щипцами заказ, сделанный представительного вида пухлой дамой, – пару молочных бисквитов – и уложить его в бумажный пакет. Принял деньги, звонко отсчитал сдачу, выглянул из-за прилавка, чтобы посмотреть, нет ли ещё нацелившихся на его лоток покупателей, и наконец обернулся.

– Знакомь нас теперь, хулиганка.

Сенджи, уже впившаяся белыми неровными зубами в рогалик с абрикосовым джемом, указала на Вилле, неловко мнущего сквозь салфетку свою порцию и всё не решающегося откусить, и приглушённо, сквозь пропечённое до хруста тесто, пробубнила:

– «илле, – тут же, прожевав и проглотив, поправилась. – Вилле. Славный парень. Дал по безмозглой башке одному фабричному недоумку, лишив меня при этом удовольствия использовать свой нож. Но я не сержусь. Ещё знаешь что, Хоурмен? Вилле – внук Хлыста. Посмотри на него, правда похож? Ещё Вилле знает, кто я такая. Ещё он хочет узнать больше. А я хочу отвести его за Стену. Поможешь? А, да... Вилле, познакомься – это Хоурмен, лучший пекарь во всем королевстве. И злостный коллаборационист.

Злостный коллаборационист улыбнулся, вновь разгоняя морщины на потемневшем то ли от солнца, то ли от вечного жара печей в его пекарне добром и немного усталым лице. Он стоял, ссутулив и без того покатые плечи, отчего выглядел совсем невысоким, и Вилле обратил внимание на то, что так часто свойственных поварам и пекарям ожогов на руках у него не было.

– Очень приятно, Вилле. Ты действительно похож на своего дедушку. Ешь, не стесняйся... Убежал из дома на карнавал?

Поражённый такой проницательностью, Вилле молча кивнул и, чтобы не показаться невежливым после второго уже приглашения к трапезе, откусил кусок от рогалика. На колени тут же посыпались коричневые чешуйки слоёного теста. Но и ограничиться простым кивком было бы невежливо, поэтому Вилле приготовился сказать, что он рад знакомству, и заодно похвалить кондитерское мастерство добродушного Хоурмена, однако рот теперь занимала еда, и вместо слов вышел кашель. Сенджи хлопнула Вилле по спине.

– Сначала прожуй, потом говори, бутылочный рыцарь. Как он этого фабричного... Хрясь бутылкой по нечёсаной тыкве, и всё – крепкий и здоровый сон. А потом ко мне в лодку прыгнул, чуть не утопил нас обоих. Интересно ему, видите ли, стало, когда я сказала ему, что город поджигают не люди из-за Стены.

– Одобряю, – произнёс Хоурмен. – Интерес – двигатель жизни. Но и ты, дорогая моя, сперва доешь-ка, прежде чем рассказывать мне ваши приключения, а то подавишься, и хлопать придётся тебя. У меня тут, кстати, есть мухобойка на полочке. Мухи тоже любят рогалики.

– Ладно, ладно...

Пока они с Сенджи ели, Вилле наблюдал за тем, что это такое – быть торговцем на городском празднике. Смотрел, как ловко и споро двигаются узловатые большие руки Хоурмена, заворачивая в белые салфетки булочки и сочащиеся сладкой начинкой треугольники пирога; слушал его добрый смех и шутки, обращённые к покупателям; один раз настороженно съехал со своей табуреткой поглубже под навес, когда к прилавку подошёл немолодой гвардеец, купивший мясную закрутку, а заодно придирчиво изучивший лицензию-разрешение, протянутую ему Хоурменом. Вилле спросил у Хоурмена, не тяжело ли ему работать одному.

– У всех моих работников сегодня официальный выходной, и мне не хотелось лишать кого-нибудь из них заслуженного отдыха. Они и так мне очень помогли привезти всё на площадь и установить навес. Нет, мне ничуть не трудно, потому что я это дело люблю, – Хоурмен заулыбался своим тёмным лицом. – А если нужно будет отойти, просто попрошу соседей присмотреть.

– Любит кормить людей, – пояснила Сенджи. – Все повара и пекари такие, наверное...

Вилле вспомнил про приснопамятную Гуанолию, старуху неуживчивую и ворчливую, которая гоняла его с кухни мокрым полотенцем и ругалась на служанок, как какой-нибудь столяр или башмачник. А ещё была скупа и считала своих господ по-столичному расточительными: подавала чай без сахара, жалела дорогие пряности на суп, резала грудинку такими тонкими кусочками, что они просвечивали, словно папиросная бумага. Дедушка подобной экономности не оценил – уволил. Так что повар повару рознь.

– Вы всегда были пекарем, господин Хоурмен? – несмело спросил Вилле. – Ну, то есть Сенджи рассказывала, что раньше у вас был ресторан или что-то в этом роде... Просто вы очень похожи ещё и на учителя. Или даже профессора.

Хоурмен рассмеялся.

– Вот как? Впрочем, мне говорили, да... Нет, сколько помню себя, столько и занимался готовкой. Правда, не только здесь, в городе.

– Вы тоже откуда-то с севера? – догадался Вилле.

– Можно и так сказать, – согласился Хоурмен. – Не совсем с севера, но приезжий.

Глаза у Хоурмена тоже были светлыми. Выцветшими, но светлыми, какими-то словно бы дымчатыми. Он поправил толстые тяжёлые очки, оставлявшие на переносице красную вмятину, и подмигнул Вилле.

– И не заканчивал я никаких университетов, и нигде не преподавал. Это друг у меня один был – учёный, умница, вот от него, наверное, чего-то и понабрался...

– А я о нём не слышала, – сказала Сенджи. – Ты не рассказывал.

– Повода не было, – пожал плечами Хоурмен. – А ещё столько лет прошло, хулиганка. У стариков иногда выпадает из памяти сам факт, что они когда-то были молодыми, не говоря уже о событиях, происходивших с ними в те годы, и лицах людей, с которыми они тогда дружили. Потом как-нибудь расскажу, пока не стал стариком окончательно, хе-хе... А сейчас рассказывайте вы. По порядку и подробно. Только потише...

Хоурмен опять выглянул из-за прилавка, осмотрелся, обернулся к сидящим под навесом гостям. Сенджи нетерпеливо потёрла руки. Хоурмен кивнул ей – никого нет, и встал вполоборота, чтобы скрыть их двоих от случайных глаз. Быстро, негромко, но удивительно детально и точно Сенджи рассказала ему всё – от первой встречи с Вилле в переулке («Прости, кстати, Вилле, что я так...» – внезапно смущённым голосом произнесла Сенджи, и Вилле смутился ещё сильнее, чем она, потому что уже, в общем-то, отправил то воспоминание о неприятном знакомстве с ножом в разряд несущественных) до того, как удобный путь к площади по стокам им преградила чья-то тяжело гружёная жёлтая лодка, и своего предположения о том, что это – пропагандисты. Хоурмен внимательно слушал и не прерывал, время от времени проверяя, нет ли поблизости других, нежелательных и чужих ушей. Вилле, так и не определившись для себя, надо ли ему вставить и свои пару слов, деликатно помалкивал. Сенджи, наконец закончив, утомлённо выдохнула и попросила разрешения взять ещё один рогалик.

– Бери, конечно, хулиганка... Значит, лодка и её пассажиры, а также их груз... да, очень даже может быть. Но меня гораздо сильнее обеспокоило другое. Поход за Стену. Сенджи?

– А как иначе? – возмутилась она. – Как иначе он поверит? Нет, Вилле и славный, и добрый, и он, хотя и был шокирован, так с ходу мои слова не отмёл, но...

– Зачем тебе это нужно? – грустно и очень по-доброму спросил Хоурмен.

Карнавал шумел, ржали лошади, а Сенджи смотрела на пекаря, приоткрыв в изумлении рот.

– То есть как это зачем? – непонимающе переспросила она. – Хоурмен! Ну, ты, такой большой и взрослый... такой, не обижайся, старый... и не понимаешь?

Пекарь покачал головой.

– Не притворяйся, – почти разозлилась Сенджи. – Чтобы Вилле, увидев всё своими глазами и выслушав людей с той стороны, рассказал об этом сам и здесь.

– Кому – дедушке? – спросил Хоурмен, и Вилле показалось, что он говорит с иронией. Сенджи отмахнулась.

– Людям! Другим людям! Своему другу-фермеру, и другу-гвардейцу, и всяким деревенским босоногим и бесштаным, и почтальону, и лавочнику, и кузнецу – всем!

– Сенджи, – ласково произнес Хоурмен. – Но его же в лучшем случае поднимут на смех.

– Нет! – горячо возразила она.

Хоурмен вздохнул. Он хотел сказать Сенджи ещё что-то, что-то тяжеловесное, взрослое, видное, наверное, лишь ему и лишь с вершины прожитых лет, но остановил себя сам, быть может, напомнив себе, что разговаривает просто с девочкой-подростком. Поэтому заговорил словно бы в попытке найти слабую сторону её решения через другие доводы.

– Для городского жителя пустыня может быть опасна. Раз, – произнёс пекарь терпеливым учительским тоном, будто, загибая пальцы, показывал ребенку, как правильно считать.

– Да, я знаю.

– Даже если с вами пойдёт ещё кто-то третий – к примеру, я.

– Знаю...

– Меня там что, съедят? – неуклюже пошутил Вилле, но его не услышали.

– И по времени это затратно. Два. Как Вилле объяснит свое долгое отсутствие дома? – Хоурмен, сморщив лоб, заходил по маленькому пятаку за своим прилавком. – Пока он будет за Стеной, наместник поставит на уши всё королевство. Вилле, это твоему дедушке не в упрек, я бы на его месте сделал то же самое...

– Да, – тоскливо согласилась начавшая что-то понимать Сенджи.

– К тому же, без предупреждения вот так появиться, – продолжил было Хоурмен и осёкся на недоговорённом предложении. – Три. Ярл...

– Он не воюет с детьми, – странно сказала Сенджи.

Вилле крутил головой от одной к другому, больше не решаясь вмешиваться. Дышал пряными запахами, – мускатный орех, кардамон, корица – мягким уютным теплом, слушал краем уха, как фон, праздничный и деловитый шум карнавала и совсем немного беспокоился. Совсем немного.

– А если вдруг захочет? – спросил Хоурмен. – Найдёт причину? Увидит – в прямом смысле слова?

Сенджи молча кивнула.

– Вот, то-то и оно, – словно обнаружив в их отрывистом, полупонятном разговоре то, что искал, Хоурмен остановился. – Нельзя идти сразу же, хулиганка! На горячую голову. Надо сперва, чтобы ты донесла до них то, что тут надумала. Хотя я, кажется, знаю – ты боишься того, что тебе просто не разрешат. Другое дело было бы – да, привести и поставить, так сказать, перед свершившимся фактом... Но это нехорошо. Опять же опасно. А вдруг ещё и очередная облава, а мы...

– А мы в неё попадём, – мрачно закончила Сенджи. – Самый жуткий аргумент. Нет, я такого не хочу.

И они оба замолчали.

– О главном-то я и не спросил, – вдруг заулыбался Хоурмен. – Вилле...

– Да? – вскинул голову тот, ожидая, что его спросят, зачем он сам решил пойти с Сенджи за Стену.

– Тебе понравился рогалик?

Вилле ответил: «Очень», и пекарь весь расцвёл.

А думал Вилле ответ на всё тот же так и не заданный ему вопрос о Стене, и был этот ответ простым – смотрящая на него с надеждой Сенджи. Думал и ощущал, как постепенно наползает на уши краска, и радовался почти малодушно, что Хоурмен спросил его о другом. Рогалик-то и правда вкусный. Где-то в тумане необязательных сейчас мыслей вновь стукнул молоточек: дедушка. А перед глазами вдруг возникли руки Хоурмена, который с недовольным восклицанием потянулся под прилавок, чтобы извлечь блестящую проволочными сплетениями мухобойку, и со свистом рассёк ей воздух, прогоняя прочь заинтересовавшуюся содержимым корзиночек крупную чёрную муху. Этот свист... как от хлыста погоняющего лошадь возницы. Хлыст. Почему Сенджи назвала так дедушку?

– Сенджи, а почему «Хлыст»? – запоздало удивился Вилле.

Ушедшая подбородком в ворот своего плаща Сенджи, тоже глубоко задумавшаяся, отреагировала не сразу.

– Чего? А... так, прозвище. Люди за Стеной любят давать всем разные прозвища, – нехотя и расстроенно сказала она. – Потом я тебе покажу... причину прозвища... на лице Ярла... Хоурмен! Ну нельзя же нам теперь так просто взять и разойтись!

Пекарь погладил её по растрёпанным коротким волосам – по-родственному, по-отечески, и Сенджи, присмирив, опустила глаза и принялась выдёргивать нитки из верёвки-завязочки. Зашаркали ноги, послышался смех – прихотливые волны гуляющего человеческого моря выплеснули к прилавку очередных покупателей. Хоурмен, отвлекшись на них, дал время двум своим гостям поговорить друг с другом.

– Хоурмен прав, а я – дура, – шёпотом сказала Сенджи. – Совсем выпустила из виду... посчитала несущественным... У нас за Стеной ведь тоже есть человек вроде своего короля, Вилле. И ему может не понравиться, если я без разрешения приведу незнакомца.

– Я понял, – горько сказал Вилле. – Мой дедушка ему что-то сделал. И ваш Ярл может узнать меня... и что-то сделать мне, вместо того, чтобы принять и показать то, что хочешь показать мне ты... и не отрицай, Сенджи. Хотя, наверное, не так – не ему дедушка сделал, всем вам сделал, что-то очень плохое... Верно?

Сенджи потянулась и взяла Вилле за руку.

– Смотри, – прошептала она.

Она привлекла руку Вилле, зажатую в своей, к вороту плаща, и отогнула его, отгибая заодно и воротник коричневой, косо застегивающейся нездешней рубашки. На тёмной коже Сенджи, в том месте, где сходилась с шеей её островатое плечо, Вилле увидел мутный чёрный знак-клеймо – тот же символ, что был на брюхе у каждого дирижабля жандармерии, что красовался на печатях и гербе. Знак короны. Зачем это на живом человеке?!

– Мы все его носим, – тихо произнесла Сенджи. – Старики, дети, мужчины и женщины. Он обозначает собственность. Мы – рабы. Мы работаем на этот город – работаем в рудниках и карьерах, добываем мрамор, ртуть, серебро и медь. Вот то, что сделал с нами король, и то, что так рьяно бережёт твой дедушка. Нам всем это, конечно же, очень не нравится, а Ярлу – тем более, потому что он тоже северянин, бывший штурман на разбившемся в пустыне дирижабле моего отца, а ещё он в некотором роде наш глава, но это не помешало ему однажды получить хлыстом от Хлыста и стерпеть, стиснув зубы. Причина, почему все терпят до сих пор? О... Помнишь, что я говорила про подземные воды, выходящие ручьями за Стену? Это – наш единственный источник воды. Будем сильно артачиться, и бургомистр отдаст приказ открыть замурованные западные стоки, а наши южные просто засыплет. Циркуляция воды в городских каналах не изменится, только сменит направление – в высохшее сейчас русло бывшей реки на равнине к западу от города. А мы все погибнем. Вот, Вилле... Хочешь – верь, хочешь – нет, но, знаешь, мне было больно, когда эту штуку выжгли у меня на шее...

Она не плакала – быть может, не умела, и это тоже было страшно, как поставленное ей на кожу, словно на фабричную мебель, клеймо. Не умеющая плакать девочка, не умеющий плакать ребёнок – словно нанесённое извне повреждение, что-то отнятое, искалеченное, как потерянная конечность, рука или нога. Хоурмен, закончивший с покупателями, обернулся к ним и, увидев, как изменилось лицо Вилле, тут же потерял свою улыбку.

– Вон оно что, – пекарь всё понял. – Ты, хулиганка... Это было очень огорчительно для него – такие откровения.

– Знаю, – глухо сказала Сенджи. – Пусть унесёт с собой. И подумает, там, дома – хочет ли он увидеть подобное, когда – если – пойдёт со мной. Я ведь ему ещё и не то покажу. Ему, внуку наместника... Моему новому другу. Другу, слышишь, Вилле? Ты очень хороший.

Он слышал, но говорить ещё не мог. Хоурмен погладил по голове теперь его.

– Дети, – только и сказал пекарь.

Потом в руках у Вилле очутилась кружка, в которую Хоурмен налил ему из стеклянного термоса холодный анисовый чай. Вилле пил и слушал, не вникая, как пекарь и Сенджи тихо говорят о каких-то связных, кого-нибудь из которых неплохо было бы найти сейчас среди толпы и отправить за Стену, чтобы немного ускорить процесс принятого решения – необходимости рассказать о Вилле неведомому Ярлу. В небе рокотал, то стихая в отдалении, то опять приближаясь, дежурящий над площадью дирижабль. Гомонили и смеялись люди. Хоурмен с Сенджи вдруг тоже рассмеялись над чем-то, и пекарь, порывшись в кармане своего белого фартука, извлёк горсть монет и отдал собеседнице.

– Идите, погуляйте, посмотрите на выступления, купите себе что-нибудь – праздник, как-никак, – сказал Хоурмен. – И возвращайтесь ко мне через час-другой. Выпьем чаю, пообедаем, а потом я попрошу вас ненадолго меня отпустить – попробую найти связного. Да, хулиганка, лучше будет, если это сделаю я – ты ведь не всех знаешь... Поторгуете тут?

Сенджи деловито кивнула – ей, наверное, было не впервой помогать Хоурмену. Она встала и похлопала Вилле по плечу.

– Пойдём, бутылочный рыцарь.

Он нехотя заворочался. Мысли об увиденном на шее Сенджи и сказанном ей – «рабы» – ещё не отпустили его, и блеск карнавала, такой предвкушаемый утром, такой яркий и радостно принимаемый ещё полчаса назад, теперь поблёк, выгорел, потерял свою значимость и красоту. Какой карнавал, какое веселье в мире, где существуют такие ужасы? Хоурмен снова погладил его, по плечу и спине, произнес глуховато и мягко: «Бедняга», жалея Вилле – жалея не пострадавшего, просто узнавшего, хотя должен был бы жалеть Сенджи. Вилле, словно очнувшись, ощутил укол стыда.

– Да я-то что, я в порядке, – конфузливо забормотал он. – Просто оторопел... не верится...

Хоурмен кивнул.

– Это самый большой обман, который существует сейчас в нашем мире, официально сто лет как разделившись с рабским трудом. На уроках истории ты, должно быть, слышал про Конвенцию. Любой труд должен быть оплачиваемым... добровольным... допускаемым как мера наказания или, верней, воспитания, только к преступникам. Но даже каторжникам платят их гроши и отпускают в конце концов на свободу! Даже слуги, работающие в богатых домах, та самая сословная ступень, что не меняется из века в век, имеют право уволиться, если хозяева их обижают, и уйти искать местечко получше. А те, кто живёт за Стеной... им некуда пойти, Вилле. Позади них – мёртвая пустыня, на шее – клеймо, что выдаст их при первом же жандармском досмотре в городе, и ещё одно клеймо – южная внешность, кроме некоторых, конечно, таких, как Сенджи и Ярл... а ещё у них нет документов. Никаких, вообще – ни метрик, ни карточек. Документы им иметь запрещено. Куда они, такие неподтверждённые в самом своём существовании, сунутся в нашем бюрократическом обществе? Самые отчаянные, конечно, пытаются раздобыть подделку. Кому-то даже удавалось скрыться... перейти пески, переплыть море... В большинстве случаев это были одиночки – без родни, без семьи. Бежать, имея родственные связи – значит подписывать своим родным смертный приговор. Такое тоже случилось, к сожалению, но я не ощущаю себя вправе судить тех, кого довёл до отчаяния ад. Ладно, не будем больше... Бегите. Сегодня хороший день, только какой-то уж очень жаркий.

Пекарь выпустил их из-за прилавка и помахал рукой вслед. Сенджи, явно желая немного отвлечь Вилле от того страшного, что рассказала ему и показала, предложила подобраться поближе к ратуше. Сегодня на неё был открыт свободный вход, и можно было влезть на самый верх, туда, где колокол и часы, потоптаться на узком балкончике, осматривая площадь и разноцветное колыхание шляп и голов, покричать и посвистеть, с благоговением полюбоваться пыльными балками, похожими на рёбра доисторического чудища, что уходили к треугольному своду крыши. Позвонить в колокол, впрочем, не вышло бы: управляющий механизм стопорили

и даже отвязывали выполняющую декоративную функцию толстую, с канат, покрытую серебряной краской верёвку со шнуром на конце, чтобы не возникало соблазна, особенно у детей – зато само путешествие по винтовой полутёмной лестнице и собственно вид были чистой воды восторгом. Но Вилле, обычно не упускающий возможности забраться наверх ратуши, сегодня не особенно этого хотел.

– Тогда всё равно пойдём поближе к центру, – сказала Сенджи. – Там, под ратушей, кузнечные палатки и тир. Тебе бы сейчас развеяться, а не сидеть угрюмым стариком... Умеешь стрелять из лука?

Вилле признался, что нет. Сенджи просияла:

– Так я тебя научу. Пошли!

Разбойники, вспомнил Вилле, когда спешил за схватившей его за руку Сенджи сквозь толпу, и слегка повеселел. И правда ведь, надо уметь отстреливаться. Он даже улыбнулся довольно, представив, как ловко пущенной стрелой выбьет у кого-нибудь из них лук и превратит незадачливого разбойника в вычитанный из дедушкиных старых книг смешной образ – «булавочную подушечку». Только тогда надо будет отобрать и колчан – он снова замечтался, вольно или невольно, но возвращаясь к своему утреннему беззаботному состоянию. Сенджи, обернувшись, заметила это.

– Правильно, держи нос по ветру, Вилле. Лично я не из тех слабаков, про которых тебе говорил Хоурмен – ну, тех, кто трусит и сбегает. Я верю в то, что наше положение рано или поздно изменится, и готова за это бороться. Я люблю свой дом, несмотря на всё, что с ним сделали. Тебе, я думаю, он тоже понравится – там ведь не одни безжизненные пески и солнце... Там есть и цветы, и трава, и древние скалы с рисунками, и таинственные подземные пещеры, а ночью небо – всё в звёздах... Бесконечный, бескрайний звёздный простор – ни в одном городе ты ничего подобного не увидишь. Небо я тоже люблю – в нём летал мой отец. Когда-нибудь и я построю себе дирижабль.

– Капитан Сенджи... Возьмёшь меня к себе?

– Кочегаром, – Сенджи милостиво кивнула.

– Кочегаром мне уже предлагали, – улыбнулся Вилле. – Причем на кое-чём покруче, чем простой дирижабль.

– Это кто? – Сенджи насторожилась. – Что за конкуренты, о которых я не знаю?

– Небесные железные дороги. Летающие паровозы и прочее в том же духе. Пока, конечно, это всё секретно и в разработке. Но, глядишь, лет через десять-пятнадцать...

– Паровозы не летают, что за ерунда...

– Будут, – пообещал Вилле. – Там человек решительно на это настроен, и я в него верю. Так что, Сенджи... Придётся тебе меня переманивать.

– Сначала заслужи, – шутливо проворчала она.

Они потолклись у кузнечных рядов, где грохотали молоты на наковальнях и вился в воздухе белый густой пар. Крепкий кузнец в ярко-алой рубахе опустил, удерживая щипцами, в оцинкованное корыто с водой только что сотворённую из раскалённого металла розу, пульсирующую всеми оттенками красного и оранжевого, и присоединил её к стоящему в высокой вазе букету из таких же железных цветов. На дощатых стендах были развешаны приклёпанные цепями к специальным крючкам – чтобы не стащили – кинжалы, сабли и кортики, арбалеты и метательные ножи, кольчуги и диковинные шлемы – образцы того, что можно приобрести для себя. Главным образом декоративные, конечно, чтобы на стену вешать и любоваться, изукрашенные, в позолоте и эмали, совершенно недоступные по стоимости для рядовых зевак. Вилле разглядывал сабли и думал, что у него однажды тоже будет подобная – только настоящая, боевая, а уроки владения саблями должны начаться уже этой осенью. Интересно, кто его будет учить. Хорошо бы, Марк, но это маловероятно – тот всё-таки не преподаватель, а простой гвардеец... И что же потом – с этой саблей за Стену, в неведомый, неизвестно для чего про-

водимый рейд? Что там делают гвардейцы: подавляют бунты клеймёных рабов на каменоломнях, выступают в роли надсмотрщиков... Внезапно замутило, стало противно и горько глядеть на эфесы в филигранной чеканке, на обтянутые бархатом ножны, и Вилле потянул Сенджи прочь, к полосатым навесам над тиром. Лук и стрельба из него с гвардейцами не ассоциировались.

– Знаешь, не пойду я ни в какие гвардейцы, – сказал он Сенджи.

– Но ты же хотел, – не поняла она.

– Мерзость это, – грустно произнёс Вилле. – Ты даже не объяснила ещё, что там на Юге делает гвардия, а мне уже мерзко и тошно.

– И что же это получается: единственный честный гвардеец, единственный друг в сине-серебряном, и тот – бежать, сверкая пятками? – Сенджи вдруг возмутилась. – Ты прямо как эти... кто бросал свой дом и родичей, надеясь найти на чужбине свободу. Свободу не ищут, её – делают. И мы сделаем. Нас, не смирившихся, не покорённых, может, не так много, но мы есть, и у нас есть друзья. Эх, Вилле... За Стеной ведь тоже полно тихих и со всем согласных – только бы не запрещали кушать, а то, что бьют периодически, так это можно и потерпеть. Привыкли так жить и живут себе, и другой жизни уже не представляют, только на рудниках шесть дней в неделю, славя короля, бургомистра и гвардию. Там ведь такая ещё политика: город, мол, дал вам воду, глупцы, самое важное и самое ценное, а взамен, ради воды, все эти рудники – разве цена? Ага! А то, что до строительства города и Стены вода была, были ручьи и источники под землёй, которые пересохли, когда начали копать каналы, и лишь благодаря реке на северо-востоке вновь наполнились, этого уже никто не помнит, кроме горстки древних стариков, которым ещё их деды рассказывали. А кто сейчас стариков слушает? Вот-вот. Я зато слушаю, мне и отец рассказывал, показывал старинные карты... Поэтому не дури, Вилле. Это я была неправа, что хмыкала. Может, именно так, став гвардейцем, ты и сможешь помочь нам...

– Чем занимается гвардия на рейдах за Стеной?

– Следит за порядком, – криво усмехнулась Сенджи. – Ловит бунтовщиков. Карает их.

– Предлагаешь мне делать то же самое?

– Не кричи. Успокойся. Нет. Предлагаю тебе рассказывать гвардейцам правду. Их ведь всех обучают одному: усмирять агрессивных и диких южан, направляя энергию в благоприятное, так сказать, русло. Молодежь, к тому же, верит, что именно южане поджигают город и всячески ему вредят – те, кто старше и опытней, правду знают, не сомневайся. Предлагаю тебе рассказывать правду, и именно молодым гвардейцам, а я уж помогу показать – только бы Ярл разрешил... Если не начнут сомневаться те, кто исполняет, до общей массы горожан не получится достучаться никогда. Горожане, увы, слепо любят гвардию, потому что гвардия – это король, а король – сам понимаешь...

Вилле промолчал. Сенджи кивнула ему на круги истыканных сотнями стрел мишеней, которые виднелись за спинами небольшой кучки людей, столпившихся у столиков, где любезные юноши и девушки в зелёных шапочках с воткнутыми в них перьями – самый что ни на есть разбойничий символ – раскладывали тренировочные лук и стрелы. По шесть на каждую попытку, увидел Вилле.

– Давай и мы постреляем, Вилле. Не одними же бутылками уметь махать...

Они дождались своей очереди у одного из столов, и Сенджи, не обращая внимания на протесты Вилле, заплатила сама – за три попытки сразу.

– Сегодня я – твой инструктор, – сказала она. – И не ворчи.

Сначала она показала ему на своём примере, как правильно натягивать тетиву и держать её у щеки, не касаясь кожи, как накладывать стрелу и целиться, как ставить ноги и поворачивать корпус. Один из молодых людей в зелёной шапочке сказал: «Маленькая разбойница», и его коллеги рассмеялись, на что Сенджи изобразила кровожадный оскал и выпустила стрелу – почти точно в яблочко. Все зааплодировали. Сенджи театрально раскланялась, после чего

отправила в мишень ещё три стрелы, которые легли рядом с первой. «Молодчина, ремесленница», – одобрительно произнёс чей-то голос из кучки зевак. Покончив с двумя последними из своей попытки стрелами (и получив на лацкан плаща красивую лакированную брошь, изображающую орлиную голову, что должно было символизировать меткого и зоркого лучника), Сенджи уступила место Вилле.

– Надо поучить и младшего братишку, – весело подмигнула она людям, а Вилле покраснел.

От жёлтых волос пахло чем-то тёплым и солнечным. Вилле пытался понять, что это за запах и где он мог раньше его чувствовать, пока Сенджи придирчиво и строго выстраивала его ноги, плечи и держащие лук со стрелой руки. Что-то подкралось, облекло его в себя – словно ощущение знакомого, чувство, что такой вот летний жаркий день, и такое вот гладкое дерево лука, и такая шероховатая тугая тетива, и чужие руки, маленькие, ловкие и лежащие поверх своих собственных, уже когда-то были. И была мишень, в которую он с замирающим сердцем прицеливался, потому что не хотел упасть в грязь лицом перед зрителями... перед Сенджи, и была откуда-то взявшаяся стальная уверенность, и послушность в мускулах, и...

Грохот. Грохот тоже был, гром, как предваряющий грозу гулкий окрик с неба, грохот такой, что зашатались навес, мишени, стол и люди. Люди хватались друг за друга, за столбы навеса, те, кто всё-таки не удержался на ногах, – за вытертые мраморные плиты, которыми была вымощена площадь. Лук и стрелу Вилле выронил, потому что на него навалилась Сенджи, оторопевшая и удивлённая. Чем-то потянуло в воздухе – порохом, огнём, мелкой душной пылью; воздух тут же потемнел и сгустился.

– Что за чёрт? – они одновременно посмотрели друг на друга, задав один и тот же вопрос.

– Ратуша! – заорал кто-то.

Крик подхватили десятки глоток, и он всё рос, прекращаясь из констатации факта в вопль страха. Подчиняясь выкрикнутому слову, люди вокруг задирали головы. Вилле тоже посмотрел вверх – туда, где над центром выгнутых подковой торговых рядов, почти над тем самым местом, где располагался тир лучников, бросая зыбкую в летнем мареве тень, высилась ратуша с квадратными часами, чьи стрелки показывали ровно двенадцать. Полдень. У основания её клубилось грязное облако пыли, постепенно поднимающееся вверх и стягивающееся на площадь. Находящиеся наверху, на узком балкончике люди тоже смотрели на облако, перегнувшись через перила. Такие крошечные...

И ратуша начала падать.

С противным каменным скрежетом, с зубодробительным скрипом, с возвращающимся громopodobным грохотом она рушилась прямо на них, как подрубленное дерево, и за этим громом и грохотом уже не было слышно, как кричат обречённые люди. Только колокол ударил, один раз – когда наклон падающей башни наклонил и его, сдвинув вбок тяжёлый колокольный язык. Разноцветное, маленькое посыпалось через перила балкона, и Вилле знал, что это, но сам не мог ни крикнуть, ни сдвинуться с места, только смотрел, как падают эти дрыгающие ногами и руками, теряющие шляпы, сумочки и туфли, зонтики от солнца, ботинки и башмаки... Его затошнило, скрутило, сжало изнутри – а Сенджи, вцепившись ему в рубашку, сыпала отборными ругательствами, кляня бутылочного остолопа, неповоротливого осла, соляную статую, приросшую к земле.

– Беги, Вилле! Беги!

Ратуша волокла с собой пыль, и пыль вырвалась вперед, как пустынный самум, хлынула через шатры и палатки, обдавая каменной крошкой и жаром. Вилле очнулся. Он схватил Сенджи за руку, и они бросились прочь, не разбирая дороги, сбивая кого-то с ног, потому что уже побежали все, падая сами и расшибая себе колени и локти, путаясь в сорванной ткани навесов, давя раскатившиеся помидоры и абрикосы, пустые картонные коробки и разукрашенные глазурию горшки гончаров. Перепуганные не меньше людей животные ржали, рычали,

визжали и били копытами, срывались с привязей, сталкивались с толпой и друг с другом, кусались от страха и вставали на дыбы. С пронзительным звоном билось стекло, где-то свистели жандармы, мелькали в пыльном дыму синие мундиры с серебром: гвардейцы пытались направлять людей вбок, прочь от наваливающегося, огромного тела ратуши, но обезумевшая толпа не подчинялась. Сенджи же, почти сразу поняв, поволокла Вилле в сторону, а не вперёд, и это-то его и спасло.

Ратуша рухнула у них за спиной. Ударная волна колоссальной силы, подхватив тугим порывом, вскинула в воздух, понесла куда-то, и Вилле, не удержав, выпустил ладонь Сенджи, с размаху грохнулся о грязные плиты, протаскился кубарем, влетел в стенку шатра из парусины, сшиб его и повалил на себя – и наступила темнота и тишина. Он ненадолго потерял сознание и, придя в себя, сначала не понял, где находится, почему так мрачно, тяжело, складчато и душно вокруг, и перепугался было, что умер, но тут же заболели локоть, колено и плечо, засадила содранная с щеки кожа, ощутилась кровь на разбитых губах, задрожали и затряслись руки – а снаружи, через парусиновую толщу, валом, как морской прибой, стал накатывать крик. Полный страшной, бесконечной боли, звериного ужаса, непоправимости, и за ним чья-то брань, чей-то безудержный плач, – а Сенджи, где Сенджи? – и Вилле стал выпутываться из парусиновых оков упавшего на него шатра. Чертыхаясь, он стащил с себя последний слой ткани, перевернулся, приподнявшись на локтях, наконец с трудом сел и обмер.

Башня ратуши развалилась на несколько крупных кусков, окутанных сейчас плотной пылевой завесой, и то, что было под ними и вокруг них, Вилле не видел. И вряд ли он вообще хотел это видеть, потому что все крики главным образом неслись оттуда – и крики, и стоны, и бормотания, и ужасный, мерзкий, уже начинающий сочиться сквозь запах сухой пыли и дроблёного камня едкий железистый кровавый дух, мокрое, тёплое, липкое... Оно коснулось правой руки, и это была не его кровь, чужая. Вокруг Вилле тоже были разбросаны разной величины камни, отколовшиеся от общей кладки в тот момент, когда ратуша разбилась о землю, и он очень не хотел поворачивать голову, потому что боялся того, что могло быть там, справа. Кто мог там быть. Он сидел, бездумно глядя в серо-жёлтое пространство, слушал крики, а потом кто-то заплакал уже не вдали, а рядом с ним, и голову пришлось повернуть, потому что плакал ребёнок.

Красивая жена мастерового, с которой Вилле не так давно шёл через мост, лежала, мирно смежив длинные ресницы, а будущий конструктор летающих поездов теребил её за рукав вымокшего от крови сиреневого платья и тонко, с подвываниями, скулил. Грязь и слёзы на бледном лице мальчика вызвали у Вилле желание найти где-нибудь чистый платок и стереть их, но платка не было, а сам он не мог не то, что встать – протянуть руку, поэтому он только облизнул отозвавшиеся болью кровавые губы и хрипло произнес «Эй», тут же запнулся и закашлял. Мальчик не обратил на него никакого внимания – он звал свою маму. Вилле его понимал. Хорошо, что у неё закрыты глаза, что она лежит вот так, ничего не видя и ни на кого не глядя, тупо думал он, и что не надо ползти и закрывать ей их, и класть на холодеющие веки монетки... Желудок снова скрутило, ещё яростней, чем тогда, когда с балкона падающей ратуши сыпалось маленькое и разноцветное, но это был просто спазм, и Вилле, скрючившийся было и подавшийся в сторону, чтобы не испачкать рвотой брюки, отдышался и выпрямился.

– Сенджи! – глухо крикнул он в пыльный воздух.

Разумеется, она ему не ответила.

Зато послышался торопливый цокот копыт, гул голосов, краткие, рубленые команды, отдаваемые очень знакомым мужским голосом, залязгали о стремена шпоры спешивающихся гвардейцев. Тот же мужской голос крикнул: «Вилле, Вилле!», и Вилле отозвался, потому что он очень хотел, чтобы голос помог ему найти Сенджи. Вилле стал просить об этом приближающуюся к нему через грязный туман фигуру, сбивчиво и быстро объяснять, но у голоса и у того, кто им обладал, были совсем другие планы – вытащить отсюда своего внука. И дедушка, его

дедушка, высокий, жилистый, сильный, со странным оскаленным побледневшим лицом, в пропылившейся дорожной одежде, потерявший где-то свою любимую круглую шляпу, отчего его стально-серые, короткие жёсткие волосы сбились с косого пробора и встали торчком, опустился с ним рядом на колени, сгрёб Вилле на руки, крепко прижал к себе и, подняв легко, как пятилетнего, куда-то поволок. Гвардейцы вокруг звенели саблями, ржали в пыли их кони, а под обломками рухнувшей ратуши кто-то кричал, рыдал, хрипел и скрёб камень.

– Дедушка... подожди, дедушка, – умолял Вилле.

Но тот нёс его прочь почти бегом и ничего не слышал.

II. Вторник

Рыжеволосая прибилась к ним вечером.

– Я хорошо стреляю. И у меня есть две плитки шоколада.

Она продемонстрировала винтовку и два прямоугольника, завернутые в мятую фольгу. От фольги шёл густой сладкий дух – Сола принялась. В рационных пайках уже давно не встречалось ни шоколада, ни эрзац-порошка из него, который можно было бы развести кипятком и выпить, согрев язык и желудок – лишь серый сахар пылью. Впрочем, было бы несправедливо винить в скудном снабжении Икс-корп, ведь оставалась ещё мирное население, о котором следовало заботиться. Детишки и девушки на заводах и фабриках, усталые матери, живущие в подвалах старики.

– Откуда это? – спросила она.

Рыжая мрачно оскалилась.

– Цех слива кипучки. Иначе чёрный, об стенку его, а не желающие там поработать. Две плитки в отрезок и эрзац-молоко. Но цех разбомбило.

Лайт скрипнул по бетонной крошке ботинками и шелестяще шепнул: «Ядооблако».

– Не случайно учуял, – сказал ему Гвин. – А молоко?

– Соседке. У неё трое.

– Плакали плазмагоны, – Гвин сплюнул. – Рыдали и плакали. У чёрных в каждом переулке напихано, а наши заводы – в труху.

– Есть ещё два, – резонно возразила рыжая. – Перейдут на усилку. Не бросят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.